

ВМЕСТЕ

издание информационного портала hipru.ru
27 мая 2006 года, Киев, БЖ, День города
1 июня 2006 года, Москва, Царицыно, Сосна
№4

ВМЕСТЕ №4

Мы хотим жить под чистым небом в мире, где не убивают.

Оглавление

Альтернативное отношение к насилию

Идеал блага. Арсен (Минск, 2006)

Насилие. Алик Львовский (Львов, 2006)

Протос. Михаил Быков (Москва, 2006)

Допустимая степень насилия. Кирилл Мурышев (Москва, 2006)

Что времена? Любава (Москва, 2006)

Альтернативные отношения в семье

Дети и родители. Нэцке (Москва, 2005)

Альтернативное отношение к представителям других видов

Интервью с Дональдом Уотсоном. Джордж Д Роджер. Перевод - ВИТА (Москва, 2005)

Альтернативный образ жизни

Мы не маргиналы. Влад Тупикин (Москва, 2006)

Надо же - идиот! Наталья Гвелесиани (Тбилиси, 2005)

Альтернативная история

Мемуарчики из жизни хиппи. Поня (Москва, 2005)

Сага о Системе (главы). Крот (Владивосток, 1999)

Начало (главы). Дзен-Баптист (Москва, 1997)

Человек в дороге (главы). Пессимист (Москва, 2003)

Художник

Александр Иосифов (Москва)

<http://www.hippy.ru/left/io/>

Диск-приложение к журналу:

Видео: телепередача о львовских хиппи
из архива Алика Олисевица;

фильм "Гамбургер без прикрас" (ВИТА)

Музыка "Человек и птица" (М.);

"Привязанный к подушке" Любава, 2005 (М.)

Макеты: ВМЕСТЕ №1, №2, №3, №4,

календарь ½ 2006– ½ 2007

Арсен
Идеал блага

В детстве, в том возрасте, когда закладываются основы психики и основы жизненной философии, мы часто неосознанно причиняем боль окружающему нас миру. Нам учат быть добрыми, но почему-то к каким-то отдельным людям. При появлении же врага доброта должна куда-то испариться. Получается, что добро должно противостоять злу силой. Но: насилие не уничтожает зло, а увеличивает.

Но вот всем известные слова: «Любите врагов Ваших». А это трудно, почти невозможно. Зато через некоторое время вдруг удивляешься – куда же они делись, враги?

Человек приходит к понятию о ненасилии постепенно. Возможно, он думает про... добро и зло? Эти понятия весьма относительны... Человек, ограбивший другого, вероятно, полагает, что этим он увеличил свое благосостояние. Человек, идущий с войском завоевывать другие страны, может быть, считает, что это нужно для блага его страны. Инквизитор, посылающий на костер еретика, думает, что этим он сохраняет чистоту веры и служит Богу.

Вроде бы, каждый из них выбирает правильное оправдание. Соответственно своему уровню понимания мира. Если для человека нет ничего важнее себя самого, все прочие люди будут лишь помехами, соперниками в достижении временных благ. Он опередил, оттолкнул, победил соперника – это покажется ему добром; его отодвинули – для него это зло.

Если идеал блага расширен до уровня семьи, то человек будет трудиться, жертвовать чем-то только для СВОЕЙ СЕМЬИ, и это будет добро; другие люди будут соперниками, нарушающими благополучие его семьи, другие семьи будут для него врагами и он не будет считать злом вредить им. Далее всё повторяется на уровне народа и государства. Но если человек будет ощущать себя частицей всего человечества, всего Мира, Вселенной, то несчастье одного существа будет его личным несчастьем, и благо другого существа будет его благом. Так, по мере изменения идеала, меняется и представление о добре и зле.

И всё-же, независимо от этого, каждый человек так или иначе чувствует, что в этом всем относительном есть некая закономерность, общее стремление. И то, что согласно этому стремлению, человек считает добром, а прочее – злом. Люди чувствуют это стремление, но каждый называет его по-своему. Все эти отдельные стремления – к благу. В конечном итоге это стремление к единству. Это Вселенская любовь. И нет ничего иного, чтобы наполнить жизнь радостью и светом. Можно сказать, что пусть я голодный, холодный, умираю или еще чего-нибудь, но я являюсь частью вселенной, и у меня есть любовь, которая превосходит все. Это, наверное, достижение абсолютного единства с Вселенной. Нирвана.

Трудно даже представить себе, что было бы, если бы не было любви; любви, которая терпением, прощением, пониманием и сожалением останавливает ненависть. Дело жизни – увеличивать любовь.

Если кажется, что любви нет? Не надо отчаиваться, когда непогода, когда дождь потушил наш маленький костер. Не надо отчаиваться, лучше терпеливо собирать сухие ветки, терпеливо искать тлеющий уголек.

И, когда он найден, и высушен хворост, огонь загорается и своим теплом и светом рассеивает холод и мрак ночи. Тогда мы снова и снова чувствуем, что в этом благо, что мы можем, что должны поддерживать друг друга теплом своего горения, теплом любви. Мы понимаем, что уныние было лишь временным. Уныние – лишняя возможность осознать, чем живы люди, в чем они нуждаются.

Люди нуждаются в любви. И больше всего – именно те, которые ожесточились, кто не верит в нее, не встречая любви в людях, те, кто побежден ненавистью и насилием. И как можно отвечать им тем же, чего им и так достаточно, чтобы страдать?

Но если мы, по слабости своей, не можем дать каждому то, в чем он нуждается, то, в любом случае, всякий способен по мере сил своих стараться жить по любви, поступать по любви, и, по край ней мере, избегать того, что ее нарушает, уменьшает, сужает.

Человек, даже лишь только начавший движение в *свете любви*, чувствует, что путь этот – ПУТЬ ЖИЗНИ, и чем дальше, чем уверенней он идет, тем становится радостнее и светлее.

Страница Сени: <http://ponia1.narod.ru/arsen.htm>

Олег Олисевиц Насилие

Многие наши собратья по духу считают возможным делать всё как им удобно, иногда даже нарушая спокойствие близкого человека. Но допустимо ли такое насилие?

Когда я был ребёнком, мне не нравилось, когда меня пытались сделать "частью общества", наполненного насилием, жестокостью, тоталитаризмом. Помню, в интернате, где я учился, царил дух казармщины и стадности. В интернат раз в месяц приходил парикмахер, чтобы всех мальчиков стричь под полубокс, оставляя лишь небольшие чубчики. Вот тогда я взбунтовался против этого насилия и убежал из интерната на несколько дней.

В начале 60-х поощрялся не индивидуализм, но стадный инстинкт. И наши родители, воспитанные в духе «марксизма-ленинизма», учили нас быть винтиками бездушной тоталитарной системы КПСС-СССР. В 10 лет меня выгнали из школы, за то что я пришел в джинсах. Отец тогда спалил джинсы.

Мы искали подобных себе людей в разных городах, республиках, странах и нам это удавалось. Мы организовали своё сообщество свободных людей, со своими жизненными принципами, отличающимися от их фарисейских, общепринятых, калечащих душу человека и самого человека. Была создана своя «система», сообщество вольных, свободлюбивых людей со своей культурой. Были налажены контакты, организовывались коммуны, «сейшена» и т. д.

Во времена перестройки вся субкультура вышла из подполья и открыто заявила о своем существовании. С распадом СССР движение начало как-то угасать – казалось, есть свобода выбора: носить что хочешь, исповедывать любую религию и просто быть свободным человеком.

В начале 90-х наступила эпоха открытого криминала и жестокости, и это отразилось на молодёжи в целом. Это заметно в их подражании «крутым», слушании шансона, стереотипной одежде, стрижках «под броллера», волчьих отношениях. Но и среди «системных» встречается много плохих людей, которые по-своему трактуют свободу и вседозволенность, иногда прикрываясь некой идеологией пацифизма и ничегонеделания.

Мало того, появились так называемые «олдовые», которые мало чему могут научить своих младших братьев по духу. Злоупотребляя алкоголем, лёгкими наркотиками, они компрометируют наше движение детей-цветов. Со временем такие люди просто превращаются в волосатых бомжей и деградировавших личностей. Возможно,

необходимо отстранение их от нашего сообщества и прекращение контактов с такими «людьми».

Как много случаев негативизма видно среди таких «системных», паразитирующих за счёт своих друзей и близких. Как часто приходится слышать, про «вписчиков», после которых всё поломано и поразворовано. Как можно с этим мириться? Что с такими «людьми» делать, как общаться? Такие поступки могут быть допустимы среди «гопников» или ещё разных «цивильных», но среди людей, которые ведут такой способ жизни, где превозносятся любовь, братство, мир, дружба в противовес всему другому, что существует в гнилом цивилизованном обществе...

Я знаю таких «олдовых», которые только и говорят, на скольких они были сейшенах, сколько продали фенек, сколько на разных фестивалях заработали денег, которые, кроме этого, ничем не занимаются и не помогают своим близким друзьям в беде.

Пацифизм, который культивируют в среде «системных», многие не так понимают и прикрываются банальной трусостью.

В своё время, в 1987 г. мы во Львове организовали свою правозащитно-пацифистскую организацию «Доверие», такие группы были также в Москве, Ленинграде. В нашей группе было около 30 человек: хиппи, пацифисты, студенты и просто молодёжь, которая желала перемен. Мы сообща устраивали акции, демонстрации, митинги протеста против войны в Афганистане, за права человека, свободу личности и т. д. И наши действия давали результаты. Мы добились совместными усилиями развала совдепа, прекращения войны в Афганистане и свободы.

Приходилось слышать в наш адрес от «системных», что мы занимаемся политикой. Мы говорили многим, что это не политика, а борьба за наше и ваше счастье под солнцем!!! Многие «великие» пацифисты лишь на словах были такими, а на деле, когда надо было выступать против гонки вооружения, войны в Афганистане, отсиживались дома.

По большому счёту нужно самому всегда быть толерантным к окружающим людям и не давать себе сесть на шею разным плохим людям, которые далеко «имели» все те ценности, которыми ты живёшь. Надо уметь жить свободно по своим принципам и не допускать насилия по отношению к другим людям, идеологиям, если они не несут насилия по отношению к твоей личности и сообществу в целом. Чтобы иметь мир – добро – любовь: надо жить этими принципами и отстаивать их, воплощая в жизнь.

Страница Олега Олисевича: <http://www.hippy.ru/left/alik/alik.htm>

Михаил Быков Протос

Что такое "степень насилия"? У насилия нет степеней, это все равно как быть немножко беременным. Тупик. И давно уже тупик – еще на поле Курукшетры Аджуна, принуждаемый к насилию дхармой бросил лук и стрелы и заплакал, осознав всю безвыходность своего, да и нашего положения.

А в наше время, если ваш персональный шофер явит свой истинный облик в виде тысячеглазого и тысячерукого чудовища, вам нет надежды получить наставляющую на путь истинный проповедь, а лучше проспаться, и в будущем осторожнее употреблять незнакомые вещества. И, как проспитесь, вы снова станете перед тем же вопросом.

Если вопрос не имеет решения три тысячи лет, это значит что он – логический парадокс. Парадокс – это когда непонятно. Ненасилие махатмы Ганди, джайнов, Льва

Толстого – не решение, а иллюзия. Что это за ненасилие, если англичане вылетели из Индии, как от пинка ногой? Если вы не кидаете бутылку с зажигательной смесью в трамвай, а ложитесь перед ним на рельсы, то результат все равно тот же самый – трамвай остановился.

Хорошо, когда мы понимаем, где враг. Трамвай остановлен, враг посрамлен, и мы победили. А если конфликт с другом? Мы ляжем на рельсы, но и он ляжет на рельсы, насилие растет, и никто не знает, кто прав, а кто виноват.

Насилие возникает как следствие конфликта. Если ты говоришь: не делай так, я не хочу – и он не делает, конфликта нет, и насилия не будет. А если делает, то один из вас двоих – неизбежно и неотвратно – насильник, или ты, или тебя. Ты можешь только сместить насилие с себя, сделать насильником его, а самому стать жертвой. А он не понимает, что происходит – с его точки зрения, он поступает правильно, он так всегда поступал, и будет и дальше поступать, он хочет и должен поступать правильно. А насильник – ты, и еще жертву из себя разыгрываешь. А зачем – ему непонятно, на самом деле жертва – это он.

Разумеется, я не сравниваю кидание бутылок и ненасилие всмысле Ганди на одних весах. Дай нам бог, чтобы до кидания бутылок, равно как и размахивания кулаками дело не доходило. Я про домашнее, дружеское, привычное насилие. Про и ненасилие почти, так, конфликтик друзей, или подружка тебе колкость сказала. Только оно-то и есть самое главное насилие. Ибо где грань? Непонятно. Маленький, мельчайший шажок, может быть движение брови – а ведь это граница между добром и злом.

Как понять непонятное? А непонятное три тысячи лет – непонятное безнадежно. Нельзя его понять – и никому вообще его не понять, а уж нам с вами тут в журнале и вовсе безнадежно. Так все и думают, и насилие тлеет, тлеет и растет – и вспыхивает, как разящая молния, уже когда все грани давно пройдены, и льется кровь и льются слезы. Замечаете, куда я клоню? Мы всюду упираемся в понимание.

Проблема в слове понять. Парадокс насилия состоит в том, что ваш оппонент понимает слово понять по-другому. Он-то все понимает правильно, и поэтому действует правильно. С его точки зрения не правы-то вы. (В слове понять не только корень насилия, а и много иных парадоксов (Библер, Ахутин), насилие лишь яркий пример).

Проблема в том, что оппонент понимает слово понять по-другому. Как? Я не знаю, и вы не знаете, иначе не было бы конфликта. Как понимает твой оппонент понять и вправду безнадежно.

Со временем, может быть. Не теперь, когда кулак летит в лицо, тебя берут в ментуру, твоя девушка уходит к полному уроду, причем не по любви, а просто из вредности, на разрыв. Как тебе кажется.

Бесы – всегда другие, а не ты. Ты-то все правильно понимаешь, не всегда, конечно, ты же разумный человек, но вот теперь, здесь и сейчас, в данном вопросе ты точно прав – иначе не было бы конфликта. И ты не понимаешь оппонента.

Понять – единственное, что у нас есть (Розанов, Хайдеггер, Бибихин, Ахутин, etc, etc). Конфликт понять нельзя – задавить, прекратить, заболтать, по иному снасильничать – запросто. Понять конфликт нельзя, он парадокс. Но можно понять хотя бы самого себя. Твой оппонент не может тебя понять, и не сможет, если это настоящий

конфликт, а не недоразумение. А ты себя – можешь. Интеллигент – понимающий (от *intelligo, intelligere – understand; realize; понимать*).

Понимать что-то, когда кулак летит в лицо? А не смешно ли это? Отнюдь. Просто потому, что иного выхода из этой жизни нет. Эта история с насилием длится три тысячи лет, я считаю с поля Курукшетры, можно считать с Адама.

Животные не насильничают, они едят, и едомы, и все у них хорошо. Насильник и человек – синонимы, потому что только человеку дано понимание. И непонимание, соответственно. Насилие начинается, когда человек понял, что он насильник, и не понял, как можно иначе. Только тогда он стал человеком (Ницше). Потому что человек – это просто понимание, и точка. А когда еще быть человеком, кроме как когда кулак летит тебе в лицо?

Себя понимать – тоже задача не для слабых духом (Бибихин). У нас же речь идет не вообще о понимании себя в философском смысле, но о данном конфликте. О секундах может быть, может быть о днях или неделях. О ежедневном общении друзей, которые скоро совсем перестанут быть друзьями. Или народов, о Чечне например.

Не нужно глубоко копать, пойми только, что ты сам хочешь от себя и от своего оппонента. И дай возможность ему тоже попытаться понять, иначе какой будет толк от твоего понимания.

Не факт, что это что-то даст, твой оппонент может не пройти свою часть пути, но иначе точно толка не будет, а где мы были, там и останемся, в конфликте и насилии. Да, конечно, обычно так и есть – твой оппонент попросту врет, хитрит и совсем подлый человек. Даже не обычно, а всегда почти. Что с ним церемониться? Дать ему в рожу, и вся недолга.

Но тут мы вернулись к началу. Выхода, кроме понимания, нет. Он подлец, но ты-то ведь хочешь найти выход? А выход один единственный – пройди только свою часть пути, и пусть максима твоего поведения станет всеобщим нравственным законом, как выражался один забавный старикан в Кенигсберге, когда ему нечего было делать.

Какую часть пути? Первую, главную. Я говорю о протоколе. Свою позицию, которую невозможно – пусть даже логически невозможно понять твоему оппоненту, нужно выразить словами, а слова сделать доступными. И для оппонента тоже. Протокол – первая буква в слове плод, П.Л.О.Д (Альбрехт).

В наших конфликтах, уличных, дружественных, воронежских, а потому самых страшных конфликтах не обязательно вести письменный протокол. Достаточно выразить свою позицию словами и быть услышанным. А там уж будь что будет. Увернись от кулака и – двинь в ответ, может быть. Это как решишь – а вот словасказать, протокол соблостности – это не твоего ума дело. Это сам конфликт велит – ибо другого пути решить конфликт нет.

Ибо иначе насилие опять сыграло свою роль режиссера, а ты дергался на его ниточках. Это совсем не просто: понять, а потом еще и сказать. И не просто сказать, а сказать с целью быть услышанным, сказать то единственное и сейчас главное, что даст единственную возможность остановить насилие (протокол – листок, наклеиваемый спереди на свиток папируса, т.е. то, о чем пойдет речь, от греч протос – первый, главный).

Тут нужно предупредить, что речь не о тексте, и уж совсем не о дискурсе и прочих гнилых модных словах. Пусть господа постмодернисты с гнилыми мозгами не

торопятся утверждать, что "они всегда говорили, что насилие – текст, а жизнь – перформанс". Жизнь – это боль, насилие, любовь – и – диалог, если только не делать из нее театра. Она этого не любит, и она, жизнь, ничего не умеет понять, она просто даст сдачи клоунам, мало не покажется. В начале было слово – точнее, у разных людей разные слова. Сейчас все то же самое. Вот в этом смысле я говорю "понять и сказать слово". Не встать в вызывающую позу, не добавить очередное оскорбление, и не благородно объявить – иду, мол, на вы. Не то слово я имею в виду, которое попросту преддверие ссоры, еще пока на словах. А свое видение проблемы, конфликта.

И еще в одном меня можно неправильно понять. Я совсем не предлагаю тебе понимать твоего оппонента. Я не о "взаимопонимании". Я о взаимонепонимании, скорее. Пойми сначала себя. Пойми ситуацию, пойми конфликт.

Вот мент находит у тебя кропаль травки, например. Я не предлагаю тебе понять, какая у него трудная работа. А ему – отпустить тебя за сто баксов, "проявив понимание". Здесь запись в протоколе может выглядеть так – мы-то честные и вполне приличные люди. И общественный порядок не нарушали. А ты, оборотень в погонах, должен ловить тех, кто химическую наркоту детям за деньги впаривает. А не наживаться тут на нас. Да, с практической точки зрения совет еще тот. Мы, разумные практические люди, ему не последуем. И все останется по-прежнему.

У нас просто нет другого выхода, кроме как понять – и, соответственно, высказать, что мы поняли, – до нанесения ответного удара. Понимание это диалог (Бахтин, Ахутин, etc, etc). Просто иначе о нем никто никогда ничего не узнает, ну что же это за понимание, это сон. И зло останется злом с неясной, но вполне страшной границей. А если сказать не думая, не понимая, или соврать сознательно, тоже толку не будет. Свои маленькие проблемы ты решишь, но кого они волнуют. Чтобы их решить, не нужно думать о метафизике зла. Даже вредно. И уж точно смешно.

Понять и сказать – вполне бесполезное занятие в практическом смысле. Хочешь избежать насилия – делай ноги. Даже более того, вполне возможно, твоя попытка достичь понимания ситуации лишь обострит положение. Даже наверное будет именно так. Ведь попытка понимания – вызов насилию.

Понимание имеет смысл, только если ты думаешь о насилии как таковом, только если сам стоишь на поле Курукшетры, а значит, сейчас тебе придется совершить насилие. Это твой долг. И претерпеть насилие. Такова жизнь. Вон Арджуна поднял лук и стрелы, пошел убивать и выиграл битву. Ни о каких протоколах не думал. И насилие осталось насилием. А ты теперь на поле один, и подсказок от волшебных возникших тебе не будет.

e-mail Миши Быкова: michael@michael.rsuh.ru

Кирилл Мурышев
Допустимая степень насилия

Насилие – ограничение некоторым лицом (субъектом) чьей-либо свободы действий (объекта). Можно разделить все виды насилия на две группы: насилие над собой (внутреннее) и насилие над кем-то другим (внешнее). Вторая группа в свою очередь подразделяется еще на две: управление (насилие совершается субъектом без прямой выгоды для себя) и агрессия (насилие совершено в исключительно личных интересах). Можно сказать, что общее количество насилия в мире остается постоянным, поскольку для того, чтобы, имея желание и возможность совершить насилие над кем-то другим для своего личного блага, не совершить его, субъект должен совершить насилие над самим собой, отказывая себе в чем-то.

Прямой мотивирующей силой для действий индивидуума может быть веление разума или инстинкты (веление плоти). Насилие над собой – это фактически следование велению разума наперекор велению плоти. /*Веление плоти может, будучи непрямым мотивирующей силой, конкурировать и само с собой. Например: хочу каждый день «пить пиво и есть мясо», потому что моему телу это приятно, но по велению разума усилием воли отказываю себе в этом, так как забочусь о здоровье своего тела; хочу украсть миллион, чтобы каждый день «пить пиво и есть мясо», но не делаю этого, потому что боюсь, что меня найдут и вывернут наизнанку, то есть моя плоть потеряет больше, чем приобретет; отрываю от сердца десять рублей и жертвую на благотворительность, чтобы потом не мучила совесть, и не приходилось обращаться к психоаналитику, уплачивая за это сто баксов.* /

Вопрос о том, какая степень насилия допустима, сводится к тому, какова оптимальная пропорция между насилием внутренним и внешним. Разумеется, ответ будет варьироваться в зависимости от того, какие цели в жизни преследует субъект, иными словами, каковы его убеждения и принципы (набор жизненных аксиом, из которых выводятся правила поведения в каждой конкретной ситуации), в чем он видит смысл своей жизни.

Если у субъекта нет принципов, то поставленный вопрос, очевидно, не имеет смысла также как вопрос: «Как побыстрее добраться не знаю куда?»

/*Надо сказать, что отсутствие убеждений в виде свода законов, вопреки устоявшемуся мнению, не всегда является недостатком. Индивид может не формализовывать свои взгляды на жизнь, не классифицировать все окружающие ситуации и следовать велению своего сердца (уметь оперативно обращаться к нему), так он по крайней мере не станет жертвой случайной логической ошибки в своих философских построениях, не станет «говорить об оптическом обмане, указывая на черный шар, который в соответствии с его теоретическими представлениями должен быть белым. Ведь душа у человека существует независимо от того, верит он в нее или нет. И если к ней просто внимательно прислушаться, не затыкая привнесенными извне теориями, можно получить ответы на многие вопросы.

Конечно, человек существо не идеальное, «человеку свойственно ошибаться», и то, что казалось зовом сердца может оказаться просто игрой гормонов, но если индивид самостоятельно выстраивает свою систему ценностей, он тоже не застрахован от подобных ошибок, разве что у него больше времени на раздумья, но и больше риск самого себя ввести в заблуждение, уходя по пути логических спекуляций от существа предмета.* /

Однако, раз уж я начал писать этот опус, попытаюсь все-таки дать нетривиальный ответ на вопрос, какая же степень насилия допустима. Для этого рассмотрим две крайности: субъекта с чисто материалистическим взглядом на жизнь и человека духовного. Видимо, все мы болтаемся где-то посередине. И так...

Субъект, придерживающийся абсолютно материалистических убеждений, считающий, что жизнь есть не более, чем «движение белковых тел», механический процесс, случайным образом запустившийся на планете Земля, отрицающий существование души и «жизни после смерти», вероятно, будет стремиться только к достижению собственного личного счастья, то есть стремиться чувствовать себя максимально комфортно при жизни.

Чем он при этом займется - распитием пива, чтобы получить все здесь и сейчас, или строительством карьеры и охраной здоровья, чтобы протянуть подольше - большого значения не имеет.

Суть состоит в том, что он воспринимает все многообразие окружающих его явлений, в том числе представителей одного с ним биологического вида, лишь как средства или препятствия к получению удовлетворения от жизни. При таком подходе субъект совершает насилие всегда, когда его плоти это выгодно (ввиду отрицания существования души, разум вырождается в простое орудие для достижения нужд тела), то есть когда «прибыль» превышает «издержки» (см. примеры с миллионом и десятью рублями).

На этапе становления человеческого общества (когда вопрос о выживании в условиях дикой природы стоял остро) субъекты ввиду естественных причин прислушивались к совести меньше, чем к собственному желудку и другим «источникам физиологических потребностей». В итоге, блаженствовал тот, кто элементарно сумел совершить насилие над всеми остальными.

Естественно, что такая система отношений не могла просуществовать долго ввиду крайней неустойчивости. В какой-то момент произошла монополизация права на насилие (в результате ли конкуренции и естественного отбора среди сильнейших, волевого решения большинства народонаселения, уставшего от "беспорядочного насилия", или «богоизбранности» отдельных героических личностей - история умалчивает), то есть возникновение первого прообраза государства, как аппарата, принудительно распределяющего несвободу между индивидуумами в той или иной пропорции, так чтобы общество «работало эффективно», в частности, чтобы монополист и другие члены общества получали максимальные дивиденды.

Когда люди, к примеру, постоянно убивают друг друга ради личной выгоды, общество не приносит максимальной прибыли ни монополисту, ни самому себе, значит надо сделать так, чтобы насилие перестало быть выгодным, например, ввести за него соответствующее наказание. При взаимодействии с людьми, для которых нет ничего святого, единственным способом обуздать их внешнее насилие является ответное применение силы к ним самим. Это будет одним из частных случаев управления.

Гораздо интереснее случай, когда индивид обладает духовностью, когда понятия «хорошо» и «плохо» не означают для него «хорошо и плохо для себя», когда он готов сознательно отказываться от каких-то физических благ ради "ближнего". Можно даже специально поставить вопрос, о достаточной для успокоения совести степени внешней неагрессивности и ответить, что таковой не существует (здесь и далее рассуждения проводятся с позиций христианства).

Если человек верит в Бога, то степень его самоотвержения определяется только его верой в промысл божий о человеке. Человек большой веры не заботится о себе и в своей земной жизни целиком полагается на Всевышнего, «собирает богатство только в царствии небесном». Для человека, верующего в жизнь вечную, смыслом земной жизни является Любовь и стяжание благодати. Он не тратит время на приобретение земных благ, которые и на земле-то не могут принести ему полного удовлетворения. Дух для него важнее плоти.

Если местом действия такого человека становится поле боя, то он, условно говоря, бросается на амбразуру и становится героем, если он занимается духовной практикой, то, опираясь на свою веру, проходит через испытания (в том числе физические), которые не по силам обычному человеку, и становится святым (послушник в своем аскетизме и самоотвержении доходит до крайности, фактически идет на смерть, однако смерть не наступает, наоборот он становится крепче; происходит примерно то, что обозначается выражением «питаться святым духом»). Только полностью освободившись от диктата своей плоти, человек становится по-настоящему свободным. Кому-то это удается уже при жизни.

Все знают библейскую заповедь: «Ударили по правой щеке – подставь левую». /*Смысл здесь в том, что если поплатился за правду, вспомни свои несправедливые поступки.*/ Таким образом любого рода агрессия, даже самооборона, осуждается.

Но совсем обойтись без насилия даже глубоко верующему человеку удастся с трудом. Если по правой щеке ударили ближнего, то твой долг обязывает тебя за него заступиться. Для начала – просвещением агрессора, а в случае его полной несознательности или бездарности просветителя (т.е. в 99% случаев) самому применить силу или на худой конец пострадать вместе с ближним.

Если на моих глазах совершается несправедливое насилие, то я буду испытывать большие угрызения совести не в том случае, если вмешаюсь, применив силу (осуществлю управление), а если просто пройду мимо. Другое дело, что я не всегда могу объективно судить о том, кто прав, а кто виноват, так как я сам не прозорливец и не святой.

Но прозорливцев и святых крайне мало, а персонажей различной степени паскудства крайне много, и каждый из десяти людей духовных признает необходимость применять к ним силу хотя бы для блага остальных девяти, так что «управителем» становится обычный человек, обладающий легитимностью за неимением святости.

Разумеется, он не застрахован от ошибок и совершения несправедливости, как и любой смертный, но раз уж он легитимный правитель, нужно ему подчиняться, потому что он совершает насилие не в личных интересах, а исполняя свой долг. /* Нужно подчиняться представителям власти, т.к. «они не напрасно носят меч» */

Не желая, чтобы эти рассуждения воспринимались как проповедь или попытка обратить кого-то в свою веру, я намеренно писал статью как бы отстраненно. Я только хотел донести до читателя мысль о том, что верующий во что-то человек не может считать себя полностью безгрешным, если совершает хоть какое-то внешнее насилие, а также о том, что цинично совершать насилие всегда, когда это выгодно, может только человек абсолютно неверующий.

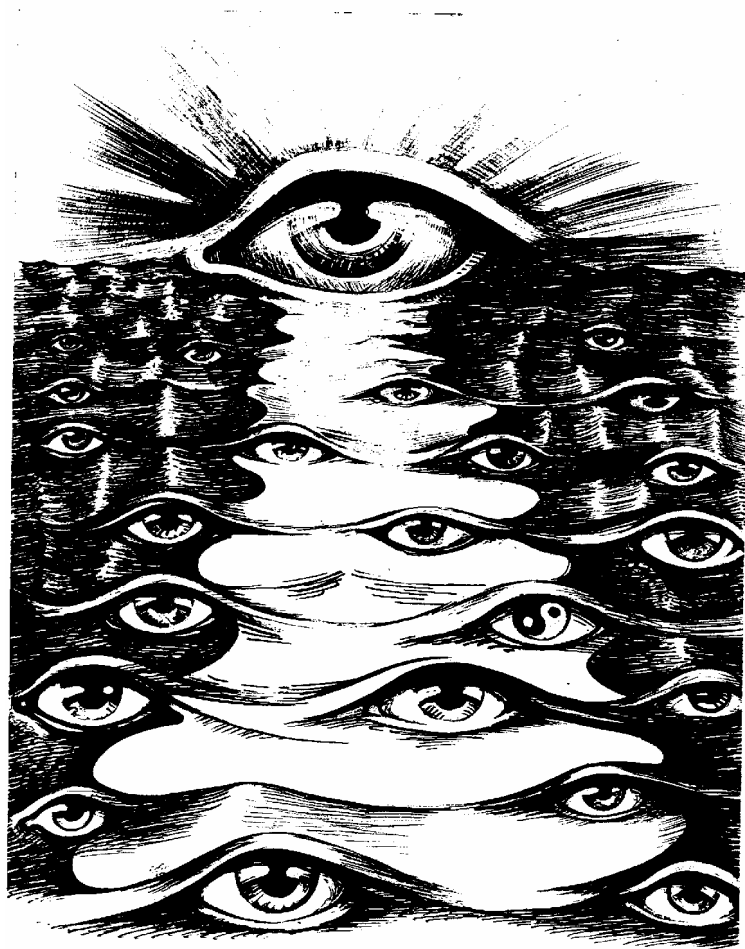
Так что если вам знакомо хотя бы чувство жалости и вы при этом называете себя атеистом, то в чем-то вы заблуждаетесь.

Страница Кипилла: <http://www.totem.newmail.ru/>

Любава Малышева
Что времена?

У каждого – своё понимание слова *ахимса*, своя *допустимая степень насилия* по отношению к миру. Как видите, наши авторы останавливались, в основном, на проблемах внутривидовых. На мой взгляд проблема насилия шире.

В сущности, всё действительно зависит от времени. Потому что со временем меняется отношение людей к тому, о чём они узнают больше. Меняются общественная мораль, нравственные нормы. Уходят в прошлое всевозможные формы дискриминации. Расизм, эйджизм, сексизм, гомофобия... Наркотики изготавливать и употреблять в Европе разрешили, однополые браки цивилизованные <люди> легализовали (даже деток таким семьям теперь усыновлять можно), права женщин защищать научились, отменили детский труд, сняли вывески "только для белых", выходные придумали...

27 мая 2004 Австрия приняла самый жесткий в истории человечества закон о правах животных...

Преступлением там считаются тесные клетки, купирование хвостов и ушей у собак, связывание домашнего скота тугими веревками.

Нельзя использовать диких животных в цирках, нельзя держать собаку на цепи, ошейнике-удавке или использовать во дворе электрозабор. Кроме того, запрещено держать щенков и котят в витринах зоомагазинов. Самое удивительное в том, что это правда. Что в Европе люди давным-давно уважают себя. Закон – это большой шаг для людей и незначительный для животных – они остаются узниками концлагерей. Но так или иначе – это шаг.

Так вот, возможно когда-то человек и не мог понять, как прожить без убийства животных. Поскольку в наше время возможность такая очевидна, аморально продолжать поддерживать их убийство. Я не сомневаюсь в том, что человечество на этом не остановится и придумает для себя более высокие нравственные ступени. Я предположу, что это права растений, права рек и земель, права планет и прочее. Пока же очередь животных. Степень определена. Будьте добры – хотя бы вы – соответствуйте:)

Мой сайт: www.lubava.info

Татьяна Супакова
Дети и родители

В этом году (2005) Рейнбоу посетила моя пятнадцатилетняя племянница Ольга со своим папой – моим братом – Андреем. Им на Радуге всё понравилось. Особенно племяннице. Она сразу нашла себе друзей, общалась с народом. И в ночь праздника Полнолуния не вернулась в палатку к великому ужасу своего папы. Она с друзьями каталась на лодке на другой берег. Вернулись утром. После этого случая папа сказал "Домой" и они уехали... А жаль.

***

Очень часто у пипла (да даже почти всегда) возникают проблемы с родителями. Как их избежать? От всего не застрахуешься, но всё-таки от многого можно!!! Соблюдение некоторых правил позволит вам жить почти без проблем. Основной принцип – не прятаться!

1. Никогда не веди по телефону сомнительные разговоры. Лучше поговорить где-то в другом месте, в другое время (встретившись во время отсутствия родителей). Лучше сказать собеседнику: "Я тебе потом как-нибудь расскажу". Это позволяет вести разговоры даже если родители ходят в метре от аппарата, нет необходимости уединяться, следовательно, родители не будут думать, что от них что-то скрывается.

2. Пусть родители знают твоих друзей. Рассказывай время от времени про них: что делают, чем занимаются. Лучше будет даже если ты приведешь их домой и познакомишь с родителями. Рассказывая о друзьях, делай упор на их положительные стороны и качества. Пусть улучше тебе их ставят в пример, чем думают, что ты связался с дурной компанией. Родители должны тебя видеть не в стрёмном, а в надлежащем виде.

3. Если ты пьян или укурен, не вздумай в таком виде появляться дома! Лучше погуляй, протрезвей, а то и останься у кого-нибудь вписываться на ночь. Делай так, чтобы родители как можно меньше о тебе волновались.

4. Периодически позванивай домой, не допускай, чтобы они не знали, где ты и что с тобой.

С родителями друзей:

5. Будь предельно вежлив и учтив в общении. Если им хочется с тобой пообщаться – предоставь им эту возможность.

6. При родителях не употребляй кличек хотя бы первое время (некоторые этого не любят). Если ты поймешь, что родители нормально относятся к погонялам – можно их использовать.

7. Пусть твои родители и родители твоих друзей познакомятся. Во-первых, будет меньше подозрений и недоверия. Во-вторых, родителям тоже надо кому-то душу иногда излить, а другие родители – как раз идеальный вариант. Они прекрасно всё поймут и в случае необходимости проведут сеанс психотерапии:)

Страница Нэчке в сему: <http://www.hippy.ru/left/necke/index.htm>

**Интервью с Дональдом Уотсоном
(основателем и почетным председателем Веганского общества),
данное Джорджу Д. Роджеру 15 декабря 2002 года.**

В: Где и когда Вы родились?

О: Родился я 2 сентября 1910 года в Мексбору в Южном Йоркшире в семье мясоедов.

В: Расскажите о своем детстве.

О: Одно из моих самых ранних воспоминаний – каникулы на ферме моего дяди Джорджа, где меня окружали разные интересные животные. Каждое из них имело свое "предназначение". Лошади тянули плуг, те из них, что поменьше, тащили груз. Коровы "давали" молоко, куры "давали" яйца. Петух был полезен как "будильник". Тогда я еще не понимал, что он имел и другое предназначение. Овца "давала" шерсть. Я никак не мог понять, что же "давали" свиньи, но они казались такими дружелюбными существами – увидев меня, они всегда радовались. Затем настал день, когда одну из свиней убили. Перед моими глазами все еще стоят яркие воспоминания всей процедуры, частью которой, разумеется, были и крики. Меня шокировала одна вещь – дядя Джордж, о котором я был очень высокого мнения, тоже участвовал в убийстве. Я решил пересмотреть свое отношение к фермам и дядям: идилическая картина оказалась ни чем иным как камерой смертников, в которой жизнь любого существа заканчивалась лишь только в нем отпадала нужда для людей.

На протяжении 21 года, что я жил дома, я ни разу не слышал, ни от родителей, ни от дедушек и бабушек, ни от 22 дядей и тетей, ни от 16 двоюродных братьев и сестер, ни от своих учителей и священников чего-либо хоть отдаленно связанного с какими-либо нашими обязанностями по отношению к "божественному творению".

Окончив школу, я пошел в ученики к другому своему дяде-плотнику. Когда мне исполнился 21 год, и я стал мастером, начался экономический спад начала 1930-х. Я понял, что мастера могут преподавать плотницкое дело, только получив диплом организации "Город и гильдии". С небольшими трудностями задача была решена, и я настолько полюбил свою работу, что в будущем у меня никогда не возникало желания какого-то карьерного роста.

В: Сегодня Вам 92 года и 104 дня. Как удалось достичь такого долголетия?

О: Моя жена – валлийка. Она обучила меня одному валлийскому выражению: "когда все бегут, остановись" и, кажется, с тех пор я следую ему. Это, наверное, часть ответа, ведь сейчас так много людей, следуя привычкам, об опасности которых знает каждый, спешат к тому, что я бы назвал самоубийством. У меня никогда не было сомнения в том, что величайшая ошибка человечества состоит в попытке воспротивиться закону природы и превратить себя в плотоядных животных.

Думается, в ближайшие десять лет неизбежно наступит утро, когда я не проснусь. Что потом? Потом будут похороны, на которых соберется небольшое количество людей и, как предвидел Шоу относительно своих собственных похорон, множество душ всех не съеденных мною животных. Коли так, это будут грандиозные похороны.

В: Когда Вы стали вегетарианцем?

О: Накануне 1924 года я принял решение начать с нового года и с тех пор не ем ни мяса, ни рыбы вот уже 78 лет.

В: Расскажите о раннем периоде Веганского общества.

О: В течение двух лет перед тем как мы учредили Общество, руководимое Управляющим советом, всем единолично управлял я. Из полученного отклика – тысяч писем – стало понятно, что, не создай я это Общество, оно было бы создано кем-то другим, хотя, возможно, и получило бы другое название. Слово "веган" было очень быстро воспринято, став частью нашей лексики, и сейчас, я полагаю, его можно найти почти в каждом словаре на разных языках.

Мне трудно сравнивать наш нынешний замечательный ежеквартальный журнал со своими скромными "Веганскими новостями", которые я выпускал с огромным трудом. Тогда обычным делом было, что я тратил целую ночь, собирая различные страницы и соединяя их вместе. Приходилось ограничивать число подписчиков пятьюстами просто потому, что невозможно было сделать больше экземпляров. В сравнении с коллективным, единоличное управление имеет очевидные преимущества. На заре создания "Веганских новостей" я мог делать все так как считал нужным. Полагаю, мне не удалось бы выжить, если бы приходилось писать разным людям, интересуясь их мнением. Ведь тогда у меня не было ни телефона, ни машины и я мог только надеяться, что они узнают мою точку зрения. Так продолжалось до тех пор, пока я не передал бразды правления Совету.

В: Как соотносится веганизм с Вашими религиозными убеждениями?

О: У меня никогда не было глубоких религиозных убеждений. В тоже время я не настолько умен, чтобы быть атеистом. Агностиком, пожалуй да. Некоторые теологи полагают, что Христос был есеем. Если так, то он был веганом. Если бы он жил сегодня, то вместо странствующего проповедника тех дней, мы увидели бы странствующего веганского пропагандиста, распространяющего весть о сострадании.

Я прихожу к выводу, что в наше время веганов, садящихся за воскресный завтрак, больше, чем англикан, присутствующих на утренней воскресной службе. Мне кажется, что англиканам следует радоваться тому, что хоть кто-то на практике воплощает сердцевину христианской религии – сострадание.

В: Как Вы думаете, что самое трудное в веганском образе жизни?

О: Думаю, это социальный аспект – я лишил себя той части жизни, в которой люди встречаются, чтобы вместе посидеть и поесть. Единственный путь уменьшения остроты этой проблемы в том, что веганство будет становиться все более и более принятым в гостиницах, отелях, везде, куда можно пойти, пока однажды, хочется надеяться, это не станет нормой.

В: Тогда наоборот, что Вы считаете самым простым в таком образе жизни?

О: Огромное преимущество в том, что у меня чистая совесть и есть убеждение, что в наше время ученым пора ввести совесть в свои уравнения.

В: Какое место в Вашей жизни занимает садоводство?

О: Когда я жил в Лестере, один друг предоставил мне в пользование небольшой участок земли. Поспевшие зерновые культуры мне приходилось таскать к себе в дом, который находился за четыре мили на другом конце города. Когда же мне повезло найти работу в Кесвике, я приобрел дом с акром садовой земли. Так мечта стала реальностью. Мои компостные ведра наполнены сорняками, скошенной травой, овощными отходами из сада, засохшей листвой, всем кроме удобрений животного происхождения. Между прочим, землю я вскапываю вилами, а не лопатой, чтобы не повредить земляных червей.

В: Что вы думаете о генетически модифицированных организмах?

О: Старая поговорка гласит: если что-то кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой, то скорее всего оно и вправду слишком хорошо, чтобы быть правдой. Уверен, что это тот самый случай. Перед нами классический пример чего-то весьма далекого от устойчивой генетической природы нашего основного источника пищи в будущем.

В: Каково Ваше мнение о кровавых видах спорта?

О: Полагаю, что это предел падения общества. Однако необходимо осознавать, что да, бывают такие несчастья, когда мы вынуждены умерщвлять живых существ ради их же собственного блага, но надо быть полными подонками, чтобы убивать живых существ ради забавы.

В: Каково Ваше мнение об опытах на животных?

О: Как я уже сказал, жестокие виды спорта – это предел падения, дно. Но мне кажется, что придется приподнять их на одну ступеньку от дна, а на дно поместить опыты. Единственный вопрос, который мы всегда должны себе задавать, когда думаем, что сами непричастны к совершаемой жестокости, звучит так: если бы не было мясников и вивисекторов, смогли бы мы сами совершить то, что делают они? Если нет, то мы не имеем права ждать, чтобы они делали подобные вещи за нас.

Большинство широко распространенных лекарств опробовались на животных и это, быть может, самое большое противоречие для тех вегетарианцев и веганов, которые употребляют традиционные препараты. Противоречие даже более серьезное, чем ношение одежды из кожи и шерсти, потому что такие одежды – лишь побочный продукт производств, главной целью которых является получение мяса.

В: Как Вы относитесь к акциям по освобождению животных?

О: Сам я в них никогда не участвовал. Я безгранично уважаю людей, которые их осуществляют, веря, что такие акции есть самый короткий и прямой путь к достижению конечных целей. Будь я животным, запертым в лабораторной клетке, я был бы благодарен тому, кто разрушил бы ее и дал мне свободу. Но, говоря так, нам всегда следует помнить: не может ли оказаться, что наши действия дадут противоположный результат? Не скажу ни "да", ни "нет", поскольку не знаю ответа на данный вопрос.

В: Что стало самым большим достижением в Вашей жизни?

О: Исполнение начатого. Чувствовать, что способствовал появлению нового великого движения, которое смогло не только изменить ход вещей для человечества и всего остального Творения, но также дать человечеству шанс гораздо дольше просуществовать на этой планете.

В: Не хотите ли что-нибудь сказать тысячам людей, которые уже стали веганами?

О: Расширьте свой взгляд на предназначение веганизма – это нечто большее, чем открытие нового заменителя яичнице-болтунье на гренке или нового рецепта рождественского пирога. Знайте, вы находитесь на пути к чему-то действительно великому, чему-то, что никто не пытался осуществить до времени, наступившего шестьдесят лет назад, и чему-то, что выдерживает любую разумную критику, которую кто-либо может направить против него. Но это что-то не потребует недель или месяцев изучения режимов питания или чтения книг так называемых специалистов, а потребует понимания нескольких простых истин и следования им.

В: Не хотите ли сказать что-нибудь вегетарианцам?

О: Согласитесь, что вегетарианство – лишь ступень между мясоедством и веганством. Возможно, существуют веганы, изменившие все одним махом, но я убежден, что для большинства вегетарианство – необходимое промежуточное состояние. Лично я все еще остаюсь членом Вегетарианского общества для того, чтобы поддерживать связь с этим движением. Я был восхищен, узнав, что на Всемирной вегетарианской конференции в Эдинбурге подавалось веганское питание, и делегатам не предоставлялся выбор. Маленькое зернышко, которое я посадил 60 лет назад, дает всходы.

В: Чего, по-вашему, достигло Веганское общество с того момента как Вы его основали?

О: Несомненно, большего, чем ожидалось. Сегодня джин уже выпущен из бутылки и никто никогда не загонит его обратно в те дни невежества до 1944 года, когда это зернышко было посажено людьми, исполненными надежды. Сегодня, где бы ни жил человек, он везде может придерживаться веганского питания. Всю начальную работу проделали добровольцы. В некотором смысле все те, кому Общество когда-либо платило за выполнение офисной работы – добровольцы. Даже наш Исполнительный директор получает самую низкую зарплату по сравнению с той, которую платят в коммерческих организациях. Просто-напросто мы не можем позволить себе большего. Так что в этом смысле Веганское общество всегда держалось на усилиях добровольцев.

И мы безгранично благодарны этим людям, ибо только Небесам известно, что случилось бы, не будь их.

В: Как Вы полагаете, в каком направлении должно развиваться Веганское общество?

О: Боюсь предлагать что-то движению, которое, как кажется, хорошо развивается и распространяется по всему миру. Мироустройство, выдерживавшее все нападки до того как мы начали свою деятельность, сегодня разваливается из-за внутренне присущей слабости своей собственной структуры. Мы не знаем долгосрочных, когда пройдут поколения, духовных последствий веганства для человеческой жизни. Разумеется, это будет другая цивилизация, первая за всю нашу историю, которая действительно заслуживала бы называться цивилизацией.

Перевод: ВИТА <http://www.vita.org.ru/>

Влад Тупикин
Мы не маргиналы

Это типа мантры. Но обоснованной мантры. Сейчас обосную, слушайте.

Еду я недавно в метро. Напротив мужчина газету читает. Есть разное отношение к тому, хорошо ли заглядывать в чужую газету. Я заглянул. Через всю полосу А-2 (газетная страница самого большого из применяемых форматов) жирнейшими чёрными кириллическими буквами (самыми кириллическими из всех возможных, рубленными, без засечек, никакой глаголицы, нах, никаких намёков на неё) было написано: ХЭТ-ТРИК НЕ ПРОШЁЛ.

Я впал в ступор как мало от чего до того. У меня даже пот выступил. Хэт-трик, бляха... Не прошёл... Ни хрена не прошёл... Мог бы – но не прошёл... Я не знаю, что такое хэт-трик и я не знаю, что бывает, когда он не проходит. Меня потрясло другое: газета с не самым маленьким тиражом в Российской Федерации ("Спорт-что-то-там") печатает заголовок на всю страницу, который я вообще, наглухо не понимаю. Я родился и вырос в этой/нашей стране. В сердце её, городе-герое Москве. До трёх лет я жил в пятнадцати минутах ходьбы от Кремля. В коммуналке с бандюками – но близко к телу Ленина и Спасской башне. Я русский, что бы я сам об этом иногда ни говорил. Я никогда надолго из этой/нашей страны не выезжал (50 дней за границей – максимум). Более того, русский язык – это фактически моя профессия, а газетное дело – ещё и хобби. И – ноль понимания.

Вот нас, общественных активистов, часто высмеивают – вы-де маргиналы, вас ни хрена тут никто не понимает кроме вашего узкого круга, в котором вы все и передерётесь как пауки в банке, нет у вас перспектив, нет будущего.

Я не знаю, как насчёт перспектив. Я знаю, что у нас есть земля, в которую привозят и в которой захоранивают радиоактивные отходы. У нас есть война в Чечне, с которой уже который год возвращаются морально и физически покалеченные люди, наши соотечественники, наши соседи по двору (и потом распрягаются тут на нас). У нас есть уровень квартплаты, который в пору только богатым, но большинство людей в стране – бедны. У нас есть 12-часовой рабочий день – почти ежедневные сверхурочные и почти еженедельные ночные работы. У нас есть, наконец, Байкал, который правительство собирается залить нефтью в порядке налаживания взаимовыгодной торговли с кем-то там на востоке.

Это всё касается всех в этой стране. ВСЕХ. Это содержание нашей жизни, её ежедневное качество без еженедельных перерывов на выходные. Именно это. И после этого нам говорят, что мы маргиналы?! Что устраивать митинги и создавать неформальные протестные сети – это маргинально? Да они просто зомбируют нас. Песня о нашей маргинальности – это просто вражеская пропаганда.

У нас – не у нас, активистов, – а у нас в стране – есть радиоактивные отходы, есть война, есть социальная катастрофа, есть Байкал и угроза ему. Какое поле для деятельности! Какой масштаб! Какие великие задачи! А в это время невероятное количество людей в этой стране занимает своё время **СОВЕРШЕННО НЕВЕРОЯТНОЙ ХУЙНЁЙ**, искусственными страстями, придуманными эмоциями, пустыми подсчётами и предсказаниями. Они окружили себя всеми приметам гетто – однотипной невыразительной одеждой, модой на алкоголь и жратву, зависящей от завоза, а не от личных вкусов, причёсанными на пробор мыслями – от стены до стены. Их реакции просчитаны как у собаки Павлова. Их пресса, их телевидение развешивает вдоль границ гетто яркие фонари, чтобы они радовались и веселились, как хороша у них жизнь. Крупными буквами и мелкими, на глянце или на бумаге помягче – они читают про хэт-трики, а кто побогаче – про хэтч-бэки. Упакованные в вагоны метро и в блестящие четырёхколёсные коробки поменьше, – как письма в старую пневматическую почту, – они перемещаются всё по тому же циклу дом-

работа-кладбище, повинуюсь руководящим импульсам. Так ничего и не успевая сделать. Так ни о чём и не успевая подумать.

Это они – маргиналы. А мы занимаемся главным, что есть в этой/нашей жизни в этой/нашей стране. Сопли в сторону. Кстати, ребята и девчонки, я должен признаться. Мне стыдно: я банально проспал сегодняшнюю акцию по Байкалу. Но ладно. Это ничего. Устроим и ещё акции. Мы же не маргиналы какие-нибудь. Мы живём в этой/нашей стране. И мы будем жить – это наша политика.

Сайты Влада Туникина: <http://russia.indymedia.org/>
<http://volja.nm.ru/>

Наталья Гвелесиани

Надо же!.. – Идиот!

Всем нам знакома картина – по широкому тротуару движется людской поток. Особи, из которых он состоит, скорее похожи, чем различны. Их объединяет манера перемещения, покрой одежды, способ смотреть в глаза, способ говорить... Все это вместе называется стилем жизни, который помогает им как-то связывать дощечки в подвешенном над бездной мостике.

Но вот в толпу затесался пьяный. Не справившись с общепринятыми нормами пластичности, он, словно щепка, вынесен на самый ее край, туда, где стоят манекенами нищие со старательно намалеванными плакатами "Помогите, умерла мама.", "Хочу уехать, но потерял деньги", "Нет средств. А нужна операция!"

Отвязная его походка, нешармово мятые брюки, жалкий, словно скулящий сам в себе взгляд – как мятый угол бумажного листа. В первую очередь это не стильно и не кандово. Это не катит. Для того, чтобы презрение толпы эпохи виртуальных технологий не урыло вконец осадочные остатки его это, наш пария вынужден принять меры – черты небрежности в его манерах приобретают заостренно-резкий характер, во взгляде появляется холодок всезнания, в голосе – наигранная непринужденность. В таком шутовском колпаке-футляре пария может получить в толпе вписку. Вот теперь он – родная достопримечательность, неотъемлемый колорит урбанистического пространства, тот, кто привносит в него природную теплоту.

Вот два профессора в джинсовых куртках (они уже давно не ходят в люди в галстуках), приосанившись, затеяли спор о путях прозападной цивилизации, о том, как все это обезличивает...

Вызывающий вид пьяного льстит их умеренному либерализму. Ведь шут – это бунтарь, вышедший из народа, который так мил издали своей естественностью. А там уж некие хиппари, давно и прочно нарисованные у подножия памятника Пушкину как "племя младое, незнакомое", не выдержав, вынули стильный фотик и запечатлели всех троих. Будет потом над чем приколоться!

Телевизионщики привели настоящего клоуна, поставили его на табурет и, стильно орудуя камерами, снимают, как излагает он галиматью на фоне Пушкина – ту самую, что толкаю вам я, но со вкусом, со вкусом.

И ТУТ ПОЯВЛЯЕТСЯ ОН. Он – Некто. Точнее, Никто. Походка его неуверенна, движения рук неумелы. Если он спросит про время, то затем, что хочет спросить про время, а не затеять беседу с блондинкой. А если услышит как избранница вопрошает избранника: "А какие девушки вам нравятся больше – низенькие или высокие?", то непременно смутится и застынет среди толпы, как вкопанный, дабы поразмыслить о

том, что это за существа такие – некоторые, которые классифицируют друг друга по вторичным признакам. И ничего, как водится, не надумает.

Профессор почтет его ничего за ничто. Прочий – за нечто, что уныло торчит на пути. И в самом-то деле, если уж ты нигилист, то валяй, будь контрапунктом. Но останавливать музыку!.. Нет уж, простите! Всем им несложно его обойти. Для этого даже не надо прибегать к грубой работе локтями. Достаточно выписать из толпы взглядом. Или – что вернее – не вписать тем же взглядом путем его отсутствия. Лишь горький пропойца, которому наш герой посоветует сменить головной убор, ибо близко царствие небесное, а оно нудится силою, вдруг заявит не глядя: "Да иди ты!.. Сам ты алкаш." ....

Оно всем понятно, что героев таких не бывает, что сознание мое выстроило схему, вырезав для собственного комфорта многообразие... А все ж таки поведусь я за схемкой далече и прикину, что будет дальше. Почему-то мне кажется, что если герой тот придет на "Рейнбоу", то бишь ежегодное собрание "младого племени", где люди, играющие в индейцев, решают на поляне с токинстигом как им подольше не <попадать> в толпу...

Так вот, если он сунется в ближний лес в своих нестильных кроссовках (по недоразумению герой наш полагает, будто к джинсам идут любые кроссовки, бесконечное же разнообразие следует наблюдать в природе, а не в предметах потребления), а там – вот те раз! – семинар по фрилаву... И все, вместо того, чтобы предаваться теории, недвусмысленно помышляют о практике...

Ох и тут наш герой – надо же! надо же! – поморгав на задворках, что-то разленится, что-то потянется, что-то такое сам себе скажет, и уснет на траве. А приснится ему попсовая песенка. Простенькая-препростенькая. Лирическая такая. Про любовь, про морковь...

Страница Натальи Гвелесиани: <http://www.hippy.ru/left/ng/>

Поня Мемуарчики из жизни хиппи

То, о чем я хочу написать – начало нового, по всей видимости очень протяженного этапа моей жизни. Возможно, что позже и уж, конечно, не за мои заслуги, а по милости Своей, Господь даст мне что-либо лучшее. А пока я знаю только, что то старое, от чего я сейчас отхожу всё больше и больше, никогда уже не будет моим.

* * *

Хиппи – это слово, по правде говоря, очень нравится мне даже по своему звучанию. Не сомневаюсь, что каждый, кто мало-мальски размышлял над «хиппи», понимает это по-своему, и единомышленников на первый взгляд будет много, а присмотришь – не окажется вовсе.

Я пришел к выводу, что быть хиппи невозможно, потому что никто не знает, что это такое в точности. И по этой же причине я не могу сказать, что я не хиппи. Впрочем, если кто и назовет меня так, возражать не буду.

* * *

Когда у меня возникло желание поведать вам о начале Начала, то прежде всего появилось не воспоминание о чём-то конкретном, а Чувство. Это чувство ребенка, впервые самостоятельно покинувшего отчий дом. Чувство перехода Сна в Реальность и наоборот. Все привычные стереотипы Реальности стали для меня вдруг

иллюзорными, а ничего не значащие до этого вещи и понятия приобрели глубокий смысл.

* * *

И так, я понял, что могу быть хиппи. Это слово, пусть и редко, но проникало в мое сознание, и поскольку информации на заданную тему мне явно не хватало, я скорее интуитивно представлял себе идеал хиппи. И хотя с течением времени мой мозг подверг этот идеал множественным реконструкциям, все-таки удивительно, что интуитивно выведенные предпосылки относительно хиппи во многом потом совпали с наиболее мощными теориями на этот счет. И слава Богу!

До этого я только во сне испытывал такое ощущение, когда невозможное совершается. Когда бежишь, а потом взлетаешь. А сначала твердая уверенность в том, что ты сейчас сможешь взлететь.

* * *

Далекая детская мечта стать бродягой, жить везде и нигде, словно летаешь, подхваченный ветром, приобрела вполне реальные очертания.

* * *

Все пытаюсь перейти к конкретному описанию событий и ловлю себя на мысли, что неискушенному читателю при этом может показаться, что я влип в дерьмо по уши и сам того не замечаю.

Еще как замечаю. Здесь, в мире, куда я вдруг попал, все существует в более открытых и незамаскированных формах. Грязь не прикрыта и сильнее бросается в глаза. Но ради всего хорошего, что я здесь приобрел и полюбил, я готов защищать и плохое, чтобы смягчить приговор, который читатель вот-вот сделает.

Каждый внутри себя разделяет все на «мое» и «не мое», и я многое не принял у хиппи с самого начала, а от многого откался лишь изведовав и попробовав. И слава Богу!

* * *

Не буду рассказывать, как я нашел "тусовку", как долго искал возможность общаться с "себе подобными". В конце концов это свершилось. Я приходил на тусовку, и таких нас там собиралось много. Иногда так много, что обычным людям просто не хватало места (действия проходили в нескольких кафе в центре Москвы). Все были очень разные – по возрасту, по манерам, по одежде, по всему... Тех, кто пришел сравнительно недавно, называли «пионерами». Сейчас я понимаю, что постоянные завсегдатаи тусовки по сути все и были пионерами. И это закономерно. Я тоже был пионером. Но назвать так кого-нибудь напрямик считалось оскорблением. Я был старше других, мне было уже 21(!), и, наверное, поэтому я довольно быстро вник в необходимые тонкости, и меня стали считать «за своего».

Тогда было время такое, когда на нас очень часто охотились комсомольцы. Они были объединены в отряд и находились под опекой ментов, а курировались службой ГБ (госбезопасности). Приходили и забирали нас («винтили»). Допрашивали, кем себя считаешь, с кем знаком, политические взгляды и т.д., записывали показания. Многим из нас потом на работу или в институт приходили письма («телеги») самого фантастического содержания. Эти парни были нашими врагами, поэтому вести себя геройски, ничего не боясь на такой «беседе», считалось за подвиг. Бегать от них, скрываться во дворы и переулки, чтобы не забрали, тоже было чрезвычайно увлекательно.

* * *

В одно из моих первых посещений тусовки ко мне подошел один хипшарь и сказал (жаргон, по возможности, опускаю):

- Слушай, есть возможность взять вещь, – он назвал наркотик. – У тебя деньги есть? Давай возьмем.

- Нет, – отвечаю, – я этим не интересуюсь. Да и денег нет.

- Да ты что, серьезно, не торчишь? – удивился он.

Чуть позже мы с ним оказались за одним столиком, и он говорил своим друзьям, показывая на меня: – Представьте себе, этот парень совсем не торчит! Вообще, врубаетесь?

По их мнению, здесь иначе было нельзя. «Неужели здесь все так думают?» – размышлял я. К счастью, это оказалось не так.

* * *

Этого человека я знаю до сих пор. Прошло 5 лет. Он влип в какую-то историю с наркотиками, и его то ли посадили, то ли положили года на два-три. Но, по-моему, он мало чем изменился.

* * *

Как я собрался в свое первое путешествие. Тогда я ещё работал на заводе и неплохо, как мне казалось, зарабатывал. У меня выдалось несколько свободных дней, и я стал подумывать куда-нибудь смотаться из Москвы. Куда? Конечно же, в Питер.

Я пришел на тусовку и предложил одному из своих немногих знакомых: – «Поехали?» Мне казалось, найти попутчика будет совсем просто, всё-таки такие люди. Но он отказался. Я вышел из кафе и пошел в другое место. Тут на улице я встретил человека, его звали Сирота. Я его знал совсем немного, но решил вдруг предложить ему поехать. А он согласился. И вот мы сели в поезд – я, Сирота и его подружка. Из всей компании сколько-нибудь денег было только у меня.

Сирота был парень простой, незаковыристый. Он мне нравился. Ему легко было общаться с людьми. Вскоре после отправления поезда он куда-то исчез, потом вернулся и позвал меня в тамбур. Там уже стоял человек, азиат, по всей видимости. Он угощал нас травой. Я видел, как Сирота ловко забивает её в папиросу, а потом мы её курили.

Вернулись на свои места, сели. Вагон был почти пустой и тёмный. Мы сидели, освещённые светом из тамбура. Потом мне стало ужасно смешно и как-то легко. Я смотрел на Сироту, и один лишь его вид казался мне умиротворяющим. Мы хохотали до слез. А потом уснули.

* * *

В любом достойном городе есть тусовка. По прибытии в Питер мы пришли на тусовку и некоторое время там тусовались. Пили кофе, разговаривали с какими-то людьми. Потом купили травы. Затем нам дали адрес, и мы пошли туда ночевать.

Был «старый» Новый год. Когда мы пришли по адресу, поднялись на третий этаж наполовину выселенного дома, то наткнулись на процессию из деда Мороза с большим красным носом и огромным барабаном и еще каких-то причудливо наряженных людей. Они поздравили хозяев нужной нам квартиры (и нас заодно) и ушли.

Мы прошли в квартиру. Никто нас не спросил, кто мы и что нам надо. В квартире оказалось ещё человек восемь. Сирота сказал, что нам надо переночевать. Никто на это особенно не отреагировал, и мы остались. По дороге туда мы курили траву, да и

там тайком выходили в парадное и курили. Вскоре я почувствовал, что меня это довольно сильно зацепило. Даже в животе нехорошо стало. В квартиру приходили и уходили какие-то люди, некоторые оставались с нами.

Мы сидели и лежали на полу, на циновках и ковриках, вокруг стола без ножек. Пили чай. Один парень играл на гитаре и пел. Теперь я знаю, что он и впрямь хорошо умеет это делать, но тогда, под кайфом, мне казалось, что это ни с чем не сравнимо. Одновременно меня мучали боли в желудке, видно, курил я действительно через чур много.

Нам надоело выходить на лестницу, и мы решили курить прямо здесь. Сирота достал траву и папиросы. Тут же, глядя на нас, еще несколько человек достали запасы травы. Курили по кругу.

Утром, когда я проснулся, многих из вчерашних гостей уже не было. Ушли. Трава у нас кончилась. В голове у меня было туманно. Я взял гитару, но пальцы не слушались.

Вечером Сирота предложил вдруг ехать в Москву. Автостопом. Идея сама по себе сумасшедшая, все же январь-месяц, да и куда там на ночь глядя на трассу выходить. Это я сейчас так рассуждаю, тогда я вообще ничего этого не знал. И поэтому согласился. Согласилась и подружка Оленька. Только Сирота с ней в паре ехать почему-то не захотел. Сейчас я привык ко всяким людским странностям, ну а тогда... просто не показывал виду, как меня это удивляет. Сирота встретил своего питерского знакомого, его звали Малыш, и решил, что поедет с ним. Ну а мне, значит, выпадало ехать с Олей. Мы купили вина и выпили его в парадном. Потом выбрались на трассу.

Нам с Олей после нескольких машин попался «Камаз», который шел до Москвы. Автостоп без пересадок имеет и свои минусы: мы ехали всю ночь, спать я не мог, было очень жарко, а я был в дедовом полушубке. Вдобавок у меня опять заболел желудок. Под утро в машине что-то сломалось, и поэтому шофёр ехал очень медленно. Только поздно вечером я добрался до дома.

Вскоре я узнал, что Малыш с Сиротой приехали чуть позже нас, на множестве машин и со множеством приключений.

* * *

С каждым годом наркотики всё сильнее проникают в массы. Хиппи принадлежат к «низшим» слоям общества, поэтому, наверно, наркоманов среди них больше. А может быть так кажется просто потому, что хиппи-наркоман более заметен.

На самом деле в последнее время и среди обычных людей я все чаще встречаю наркоманов. Скорее всего, это потому, что я достаточно насмотрелся на это среди своих, и глаз у меня стал более наметанный. В то время, о котором я пишу, у меня не было никаких определенных взглядов и принципов на тему наркотиков, и когда мне случалось их пробовать, мне было хорошо, приходил кайф, но я тогда не оценивал по достоинству ни их сути, ни последствий их применения.

* * *

1 июня – День защиты детей. Хиппи особенно выделяют этот день среди других. Во многом это объясняется тем, что «философия детей» среди хиппи очень популярна. Что до меня, то заповедь «Будьте как дети» вызывает во мне благоговейный трепет.

1984 год. Было решено собраться на одной из станций метро с дальнейшим выходом на поверхность и праздничными гуляньями. Когда я приехал к месту встречи, там уже тусовались несколько знакомых мне хиппарей. Затем пришли милиционеры, отобрали у нас документы и отправили на машине в отделение. Боялись политических акций. Некоторые акции действительно были запланированы, например, раздача цветов и воздушных шаров проходим. В результате мы оказались в

милицейском двореке, со всех сторон окружённые высоким забором. После этого к нам стали присоединяться все новые и новые группы задержанных. Знакомые и незнакомые мне люди. Некоторые вообще ничего не знали о сегодняшних планах и просто были пойманы где-то на улице. Видимо, была объявлена охота на хиппарей.

Народу таким образом собралось очень много. Постепенно освоились. Знакомились, смеялись, играли во фрисби. Так прошло часа четыре. Всем уже это надоело. Наконец начали по одному заводить в ментовку, проводить по разным кабинетам, где разные люди в штатском задавали одни и те же вопросы, записывали ответы, фотографировали в профиль и анфас. Я был одним из первых, поэтому через четыре часа был на свободе. Думаю, что многих отпустили только поздно вечером. Так прошло 1 июня. Прошло не без последствий. На работу мне пришло письмо. Не знаю, что там было, в этом письме, но работать после этого стало невыносимо, и вскоре я уволился. Собственно, дело не в том, что меня начали «прорабатывать», просто я потерял расположение начальства (такая малость!), и теперь вся нежеланная и неинтересная работа ложилась на мои плечи. Протестовать не имело смысла, оставалось только уйти.

* * *

Уйти! Как часто я теперь заставлял себя в том или ином смысле уходить . Из дома, из общества, с работы, от бывших школьных приятелей, привычек и привязанностей, от всего, что было или становилось для меня чужим... *(продолжение следует?)*

Москва, 1989г.

Сайт Пони: <http://ponia1.narod.ru/>

Евгений Балакирев
Сага о Системе

*Текст Саги полностью вы можете прочесть в библиотеке сайта или в журналах ВМЕСТЕ №2-4
Библиотека: <http://www.hippy.ru/enter.htm>*

"Он сказал, что некоторые маги были рассказчиками историй. На секунду он замолчал, очевидно, подыскивая подходящий пример, затем напомнил, что у индейцев яки существует свод исторических событий, который называется "памятные даты". Дон Хуан, будучи яки, с чувством заявил, что эти даты были перечнем их поражений и рассеяния. – Итак, – обратился он ко мне, – что ты, как человек учёный, мог бы рассказать об изложении магом-рассказчиком историй, основанных на памятных датах? Скажем, истории о Калисто Муни, концовку которой он изменяет, и, вместо того, чтобы рассказывать, как Калисто Муни был схвачен и четвертован испанскими палачами, что соответствует действительности, он изображает Калисто Муни победоносным повстанцем, которому сопутствует успех в освобождении своего народа?"

Я знал историю Калисто Муни. Он был индейцем из племени яки, который, согласно "памятным датам", поднял восстание против испанцев, но потерпел поражение, попал в плен и был казнён.

- Конечно, - начал я, - можно предположить, что изменение имевших место событий так, как ты это описал, являлось психологическим приёмом, как-то продиктованным пристрастием мага-рассказчика. Возможно также, что это было его личным, именно ему присущим способом смягчения разочарования.

Я добавил, что мог бы даже назвать такого мага-рассказчика патриотом, потому что для него было немыслимо смириться с горечью поражения. Дон Хуан чуть не задохнулся от смеха.

- Но дело не в одном-единственном мага-рассказчике, - сказал он. - Они все так поступают.

- Тогда это является социально оправданным приёмом, призванным выразить желаемое представление всего общества об этом событии, - возразил я. - Общепринятым способом коллективного сбрасывания психологического стресса.

- Твои доводы разумны и убедительны, - сказал он, - но, поскольку твой дух мёртв, ты не способен увидеть изъян в своих рассуждениях. Рассказчик-маг, который изменил окончание реального сюжета, - сказал он, - делал это по указанию и при содействии духа. Поскольку он может манипулировать своей неуловимой связью с намерением, он действительно может изменять события. Рассказчик-маг, демонстрируя своё намерение, снимает шляпу, бросает её на землю и поворачивает на 360 градусов против часовой стрелки. При содействии духа это простое действие погружает его непосредственно в дух. Он позволяет своей мысли совершить скачок в непостижимое.

Дон Хуан поднял руку над головой и указал на небо над горизонтом.

- Поскольку его чистое понимание является лазутчиком, исследующим эту безбрежность вне нас, - продолжал он, - рассказчик-маг знает без тени сомнения, что где-то в этой бесконечности в данный момент обрушивается дух. Калисто Муни является победителем. Он освободил свой народ. Его цель превзошла его личность".

Карлос Кастанеда ("Сила безмолвия").

ХИППИ В СССР

В затхлой атмосфере брежневской эпохи, в недрах погружённых в спячку городов, возникло это странное движение. Как говорят, всё началось с обычной молодёжной моды, с увлечения всем западным (от музыки до джинсов), что тогда ассоциировалось со свободой. Эхо "золотых шестидесятых" глухо отозвалось на просторах родины: вчерашние студенты-комсомольцы бросились искать альтернативу лжи, убогости и серости "совка", а власти стали тихо и неторопливо их преследовать.

Велась эта борьба в довольно мягких формах (время сталинщины было позади), но общая картина сильно отличалась от реалий более демократичных стран. Советская специфика, конечно, отразилась на характере движения, однако, декларировались те же самые идеи, что на Западе (духовный поиск и любовь между людьми; свобода их реализации). Зачем же говорить, что не было в Союзе хиппи? Были! Период существования аутентичного хиппизма в СССР соответствует началу семидесятых годов (место действия - Москва, Ленинград, Рига).

Дав толчок возникновению Системы, хиппи западного образца, впоследствии, на протяжении десятилетия сосуществовали с системными хиппи. Система окончательно сформировалась как движение в Сибири, сохраняясь в этом регионе вплоть до наших дней - и, в целом, она больше характерна для провинции, чем для столиц, в которых больше интеллектуалов-одиночек (в том числе, своих людей).

Здесь, на задворках Европы, вся идейная жизнь обречена на вторичность. Но жители России склонны принимать всё близко к сердцу и всерьёз (как когда-то – утопический социализм).

Советские хиппи, поэтому, были такими же настоящими, подлинными, как западные их предшественники. Что бы о них ни говорили, как не смеялись бы над их наивностью, над их идеализмом – эти люди создали культурную нишу. Благодаря их стараниям в нашей стране и возникло единое поле традиций и связей, объединяющее творческих людей из разных городов. Система предоставляла шанс любому человеку (независимо от социального происхождения) найти свой путь и реализоваться. В отличие от остальных неформальных движений, хиппи удалось создать свой мир и утвердить альтернативный образ жизни: его опорой выступала сеть флэтов, разбросанных по всей стране.

Первоначально Система отличалась большой гибкостью и открытым характером: системные хиппи общались с множеством разных людей. Движение переплеталось с интеллигенцией и богемой, поддерживало отношения с религиозными кругами. Шёл постоянный обмен информацией, накопление опыта. В 80-е годы Система стала широким и неоднородным движением: в него влилось большое количество нонконформистов, уже не подпадавших под определение "хиппи".

То есть сильно отличающихся от людей, описанных Шейлой Кейвен в очерке "Коммуна хиппи в Хейте". Появились системные пиплы, не использующие эстетику предшественников (они входили в движение наряду с системными хиппи). Хиппи же западного образца (не пиплы) в восьмидесятые практически исчезли: им на смену пришли "системные паразиты", эксплуатирующие имидж волосатых.

Это был целый поток, благодаря которому оно приобрело своё особое, неповторимое лицо (тогда же бурно развивался и достиг расцвета русский рок) ...

...УПАДОК ДВИЖЕНИЯ

Следует специально отметить, что Система в вышеописанном виде была, в первую очередь, мифом. В отдельных городах рождались утопичные объединения – и вскоре распадались, не выдержав давления реальности. Но эта пульсация, чередование всплеск активности, была постоянной: миф всегда где-то внедрялся в реальность. Поэтому (с учётом такого мерцающего, текучего, неуловимого, непостоянного характера) всё-таки можно сказать, что движение состоялось.

Оно достигло результата: выходцы из Системы и околосистемного андеграунда "пробились", повлияли на культуру – возник самобытный русский рок. Тысячи людей благодаря движению успешно завершили свой духовный поиск; множество нуждавшихся приобщились к подлинной культурной жизни.

Конечно же, далеко не всегда идеология полностью отчётливо понималась пиплами (к тому же она была внутренне противоречивой)¹, не всегда они сами вполне соответствовали всем критериям, не всегда соблюдались традиции.

Было множество исключений из общего правила – люди часто действовали вообще интуитивно, полагаясь лишь на дух, атмосферу движения.²

Но существовал и миф: вполне конкретный, ясный, и словесно выразимый. Он был чем-то наподобие ствола, а метафорические, неопределённые, интуитивные прозрения являлись кроной дерева (собственно атмосферой движения). Если не было

бы этого ствола, то не смогла бы удержаться крона. Существовали разделяемые всеми (в общем виде) представления. Не могло быть "правил", состоящих сплошь из исключений (точно так же, как не было правила без исключения).

Зная принципы движения, его традиции, любой мог развернуть в сознании системный миф и претворить его в реальность. Ориентируясь же лишь на атмосферу, пипл становился заложником этого мифа, рабом Утопии: его дальнейшая судьба зависела от внешних обстоятельств, от поведения собратьев по движению. Он мог легко попасть в какой-то жизненный тупик, или испытать разрушительное разочарование (которое заканчивалось суицидом, наркоманией, цинизмом или экстремизмом).

А ждать чего-то от движения (не от себя) было бессмысленно. Миф раскрывался внутри, а не вне человека: и только такие активные, ответственные и самодостаточные люди в полном смысле слова "входили в Систему".

Когда говорили, что движение – это "система идей и система людей", то имели в виду взаимопереходы между мифом и реальностью. Попытка связно высказаться о Системе неизбежно переходит в мифологизацию.³

Вопрос только – что это за миф и к чему он конкретно ведёт. У каждого движения есть декларируемые и есть реально осуществляемые цели (социальные последствия). Первые могут быть и вообще недостижимыми, но, вдохновляясь ими, люди совершают великие дела здесь и сейчас. Даже не задумываясь, они делают то, на что у них без утопичной цели никогда не хватило бы ни решительности, ни энергии. В Системе таким внешне незаметным результатом было нахождение каждым пиплом, в конечном счёте, своего места в жизни: движение способствовало социализации, хотя его участники на этом никогда не концентрировались.⁴

Подлинный миф – это тот, который, декларируя высшие цели, приводит при своей реализации к достойным результатам. А не к таким, например, как миф о "народе" у интеллигенции прошлого века⁵ – или к тем плачевным результатам, к которым привели американских хиппи квазирелигиозные измышления Тимоти Лири и прочих.⁶

В андеграунде, к сожалению, до сих пор имеет хождение подобная интеллектуальная зараза (это связано, конечно, с деятельностью олдových).

Вопрос отношения к наркотикам был для движения принципиальным: именно в нём можно было найти коренное отличие между западным и советским хиппизмом (для предшественников Системы был характерен упор на творческое, а не наркотическое откровение – даже если потребление веществ ошибочно оправдывалось, оно сводилось к "интересам искусства": при том, что духовная опасность наркотизма сознавалась).⁷ Всегда присутствовал определённый скепсис.

Когда же возникла Система, её идеология была уже свободна от налёта наркотической романтики. Ошибки американских предшественников были осмыслены и учтены её основателями – движение пошло дальше их атрибутики (продолжали увлекаться веществами только "хиппи"-одиночки, фетишисты-имитаторы).

Наркотики и алкоголь всегда ассоциировались у пиплов с несчастьем и отчаянием – но никогда не связывались с идеалами духовности. Жаль, что первоначально не было и выраженной антинаркотической направленности: очевидно потому, что в СССР (в семидесятые) проблема наркомании стояла не так остро. Этот идеологический изъян впоследствии нанёс огромный вред движению.

Вернёмся же к истории. Конец шестидесятых ознаменовался проникновением идей хиппизма в СССР, и формированием определённой молодёжной моды (тогда не было хиппи, а были хипшующие). Наложение этой эстетики на возрождающуюся

идеологию интеллигенции⁸ – социальный утопизм – и наличие коммунарного человека как типа, порождённого воплощением марксистского варианта утопии в СССР – три этих компонента создали основу для возникновения Системы. От хиппи был унаследован рок и элементы внешней атрибутики, от разночинцев – идеал коммуны⁹ – и советским человеком ("homo soveticus") всё это было творчески переработано. Система была уникальной уже потому, что создавалась сынами утопии: жителями страны коммунальных квартир.¹⁰

В Системе реализовалось всё самое лучшее, что только могла принести революция: реализовалось то маленькое благо, к которому привело это зло.¹¹ В ней полностью раскрылся потенциал мифологического "нового человека", ради появления которого осуществлялись человеческие жертвоприношения в эпоху Сталина. Систему мог создать только "гомункулюс" – и он её создал.

Карл Густав Юнг мог бы сказать, что системный пипл обладал головой разночинца, сердцем советского человека и душой американского хиппи. Впрочем, Юнг ничего бы не сказал, а только заплакал бы и отвернулся...

Итак, если во времена хрущёвской "оттепели" советский человек осознал сам себя, поднял голову (шестидесятники с их авторской песней и туристически-геологической вольницей были предтечами советских хиппи, что чётко прослеживалось в характерной рюкзачно-кедово-свитерной атрибутике), если в это же время наступил ренессанс идеологии интеллигенции (появились диссиденты) – то к началу семидесятых годов завершилось усвоение эстетики хиппи, и появились их первые подлинники (западного образца).

В это время рок был ещё преимущественно англоязычным, и слово "хиппи" было ключевым. Спонтанно начала практиковаться вписка, широко распространился автостоп.

Потом в СССР что-то произошло... Энергия трёх основных источников слилась в один поток и родилась Система. Осуществилось критическое осмысление идей хиппизма, их интеграция с традицией интеллигенции. Рок стал русскоязычным (хотя в музыкальном отношении он оставался подражательным) и, из его симбиоза с авторской песней, родилась рок-акустика. Слово "хиппи" и слово "пипл" во время зарождения движения были почти синонимичны (это было время системных хиппи). Возникли первые настоящие флэта: на них стали регулярно проводиться квартирники.

На всём протяжении семидесятых Система бурно развивалась, путём проб и ошибок формируя собственную, оригинальную идеологию – и во второй их половине зародился самобытный (текстуально, музыкально) русский рок. Понятие "пипл" стало определяющим: если кто-то декларировал себя как "хиппи", уточняли, системный ли он.

Помимо представителей движения, ещё встречались не причислявшие себя к Системе хиппи западного образца (которые, однако, были ближе к битничеству). Но движение шло дальше – стало полностью самостоятельным, обрело бытие-для-себя, вне зависимости от Другого. Появились специфически системные коммуны, стали проводиться сейшена: поначалу камерные, только для своих, вскоре они начали захватывать в свою орбиту всё большее и большее количество людей.

К концу семидесятых Система была готова к творческой экспансии, и только внешнее давление со стороны режима сдерживало её.

Внутри движения тогда возникло два крыла: реформистское (творческое) и популистское (люмпенизированное). Для первого ключевым было понятие "пипл", для второго же – "хиппи" (настоящие хиппи тогда уходили со сцены).

В этом внутреннем размежевании заключались зёрна будущего кризиса. Если реформистское крыло окончательно оформило идеологию движения – оно стремилось изменить культуру, то популистское крыло Системы во главу угла поставило абстрактную свободу (от чего-то, а не для чего-то), акцентируя на эпатаже и протесте, на бродяжничестве; зная лишь обычную корпоративную сплочённость; подменив духовный поиск (творчество) наркотиками и принципиальным эскапизмом. Количество бездельников и паразитов возрастало с каждым годом: они впоследствии и стали т.н. "олдовыми".

Но творческий порыв был так силён, что позволял пишлам, не обращая внимания на эту накипь, продолжать спокойно заниматься своим делом.

Лживость "хиппи" и логика дальнейшего развития движения породила феномен смены эстетической парадигмы в русском роке на панк (здесь имеется в виду творческий стиль, а не одноимённое псевдодвижение: исполнявшие панк музыканты были по образу жизни пишлами). В первой половине восьмидесятых, на фоне гонений на рок, Система достигла полной зрелости – творческого апогея. В это же время оформилось рок-движение как таковое, и в Системе формируется концепция "своих людей". Утопия максимально полно воплощается в жизнь, прошлое Системы окончательно мифологизируется. В движение вливается огромное количество новых людей. На пересечении Системы, богемы, интеллигенции, религиозных кругов формируется единый творческий, гуманитарный андеграунд: зачаток свободного общества, которому так и не довелось состояться в России.

Во второй половине восьмидесятых рушатся внешние барьеры и сжатая пружина творческой энергии советского андеграунда стремительно разжимается. Осуществляется глобальное влияние на всю русскоязычную культуру: происходит то, что в шестидесятые уже происходило на Западе. Миф становится достоянием общества в целом, подвижники перерастают уровень движения. Система исполняет свою миссию – всё, это был предел.

А далее вступают в силу исторические обстоятельства: страна разрушается, в искусстве побеждает декаданс. Менталитет народа криминализируется. Система в девяностые годы приходит в упадок и деградирует. Системные пишлы, как таковые, остаются в меньшинстве: побеждает популистское крыло и наступает хаос. Ядро единого андеграунда распадается: лучшие люди погибают вместе с мифом, или уходят, преисполнившись глубокого разочарования. Большое количество бывших пишлов эмигрирует.

Идеология размывается – атрибутика же, наоборот, костенеет. Инициатива оказывается в руках у олдовых: люмпенизированные, полууголовные элементы захватывают власть в Системе. Сегодня движение, как единое поле традиций и связей, больше не существует: напротив, сохранение последних островков Утопии возможно лишь в глубинке, вдали от главных магистралей (вопреки агрессивному окружению и оголтелой массе автостопствующих "хиппи").

Деятельность системных подвижников в наше время является подвигом. Их подвижничество никем и никогда не будет понято и по достоинству оценено: современные пишлы действуют ради чистого духа. Удивительно, но эти люди всё ещё встречаются! Сегодня они – редкое исключение для Системы, даже в лучших её проявлениях (искренний, серьёзный поиск, пожалуй, предел для пишлов девяностых годов).

Да, любое высказывание о Системе оборачивается неизбежным мифологизаторством,¹² и этот миф всегда обращён в идеальное прошлое – но всё-таки есть определённая логика в том, что движение рождается, растёт, достигает расцвета, и, наконец, умирает. Это просто порядок вещей.

Конечно же, системый "кризис" – явление перманентное (если понимать его как неизбежное несоответствие между реальностью и идеалом). В движении всегда, даже во время расцвета, было множество случайных, а то и вовсе чуждых для него людей. Но это ничего не значит: "реальность идеал не отменяет".¹³

Миф может отменить только более совершенный и целостный миф (если он не ассимилирует новую версию). В принципе, главное в нём – не "правда", а достойный результат его реализации (это и есть правда мифа), он должен не столько убеждать, сколько вызывать любовь – и приводить к хорошим, добрым результатам.

Подлинный миф порождается самой культурой (коллективным бессознательным): его возникновение похоже на дождь, внезапно льющийся из тучи. Мы можем только попытаться вызвать этот дождь словесной магией, при помощи литературных заклинаний.

Любой постмодернистский миф – тем более, всего лишь провокация.

Итак, если во время расцвета Системы на одного пипла приходилось, возможно, несколько имитаторов – то сегодня эта пропорция увеличилась в несколько раз. При размывании идеологии это можно называть уже не кризисом (который перманентен), а агонией. В сегодняшней Системе разрушительные тенденции конкретно проявляются как:

---

1 Например, не было полностью разрешено противоречие между свободой творчества и коммуитарностью; непрояснёнными остались отношения между духовностью и коллективизмом; недостаточно глубоко была разработана Системой трудовая этика.

2 Вышеперечисленные постулаты были не догмой, а основой для принятия решений: отталкиваясь от каких-то общих наработок, в каждом конкретном случае поступали согласно индивидуальному пониманию (чтоб "не наступать на грабли", "не изобретать велосипед"). Традиция была постороена на гибких предпочтениях, а не на жёстких требованиях.

3 Идеология Системы всегда излагалась в виде какой-либо мифологической версии. И одному законченному мифу можно было противопоставить лишь другой, не менее законченный (как таковая, критика не попадала в цель: здесь "демифологизация" бессмысленна). Связь с "американской идейной струёй" (не эстетикой хиппизма), например, представляется очень сомнительной – но с точки зрения живого, целостного мифа это "факт".

4 Если эта функция была бы прямо декларирована как цель – то ничего подобного достигнуто бы не было. Это примерно то же самое, как "если бы сороконожка стала бы задумываться над каждым своим шагом" (скорее, люди просто пообщались бы друг с другом, и нашли себе в движении друзей – не большие). Как говорили в древнем Китае: "нужно поставить перед собой недостижимую цель, чтобы достичь ближних целей".

5 Верхом идеологического идиотизма было убийство "народовольцами" царя-реформатора Александра Второго, отменившего крепостное право и взявшего курс на окончательную вестернизацию страны. Последствия этого шага мы расхлёбываем до сих пор: Россия так и не стала в полной мере западной, демократической страной. Пролитись реки крови – и что же в результате?

До начала нового тысячелетия дожил "порядок регистрации"* (словно для каких-то ссыльно-каторжных – что, впрочем, соответствует растущей криминализации национального менталитета), модернизированная форма всё того же крепостного права, да и земля крестьянам так и не досталась в собственность. Взяв на себя ответственность за весь народ, революционеры потом истребили его лучшую часть.

Индустриализация осуществилась лишь благодаря, опять таки, закабалению крестьянства, и благодаря рабочему энтузиазму масс (инспирированному обманными посулами "светлого

будущего"), но эта временная выгода, обескровив крестьянство, вылилась в его сегодняшний (мягко говоря) кризис, она теперь обернулась тотальным безверием.**

Вот к чему приводит непосредственное "выжимание" каких-то результатов из общества, а не упор (без политического обмана) на его менталитет, на культуру. В России эта трагедия стала возможной в силу её молодого характера: национальная культура набирает полную силу только к концу 19 века (не до конца усвоенные византийские и золотоордынские заимствования – не в счёт), выходит на европейский уровень. На Западе же изменения структуры общества порождались менталитетом населения.

Современное благополучие стран Запада является результатом не перестройки общественных отношений, а, как показал Макс Вебер, результатом религиозной реформации, то есть культурного, не чисто политического фактора. Интеллигентам тоже нужно было развивать культуру, а не провоцировать народ на бунт.

Историческое поражение России, в немалой степени, следствие победы террористического крыла в народничестве над "утопическим". Это – исторический урок о недопустимости вовлечения в политику движений наподобие классической интеллигенции, или её прямой наследницы – Системы (сегодня тяготеющей к экологическому экстремизму). Это также урок о последствиях нигилистического отношения к религиозной духовности (в том числе к православию).

А вот "хождение в народ", на самом деле, было подлинно фундаментальным шагом: по крайней мере, просветительство никак не провоцировало революционной катастрофы (речь идёт, конечно, не об агитаторах – о тысячах безвестных деревенских учителей, об утопистах – "прогрессорах"). Реально изменить окружающее общество "прямым действием" невозможно: оно само создаёт условия, в которых живёт (те условия, которых – в целом – заслуживает).

Так, дефицит свободы в России не является следствием чьей-то злой, навязанной извне, "сверху", воли – это порождение российского менталитета, закономерное следствие низкой общей культуры.*** В полной мере содействовать улучшению общества можно лишь воздействием именно на его культуру,**** оставив дело улучшения существующих социальных институтов профессионалам (что, в свою очередь, зависит от поддержки масс – а она, опять таки, зависит от господствующего менталитета).

Только воздействие на культуру означает изменение общественного целого: любая политическая победа без этого фундамента оказывается эфемерной, и оборачивается непредсказуемыми последствиями в будущем. Поэтому, какое бы тягостное впечатление не производила современная Россия, людям творчества нельзя поддаваться соблазну и вмешиваться в политику.

Такое вмешательство в большинстве случаев выглядит глупо: как, например, участие пиплов в "защите" Белого Дома во время путча (разумеется, из лучших побуждений, "ради борьбы за свободу" и т.п.). И ещё более подозрительна симпатия современных тусовщиков к Че Геваре, к "человеку с ружьём". Не является ли это пробуждением народовольческой заразы? Не является ли это признаком принципиального отхода от идеи "нацифизма" (сатяграхи)?

Вмешательство в политику прекраснодушных дилетантов разрушительно для них самих и вредно для общественного целого (кто знает: не станет ли от такого вмешательства всем только хуже?). Каждый должен заниматься своим делом: акцент на политическом протесте глубоко ошибочен. Когда вспоминают, что американские хиппи "протестовали" против войны во Вьетнаме (а может быть, просто не шли воевать?), и ставят их в пример отечественному андеграунду (будто бы они не совершали никаких ошибок*****) – не ведёт ли этот упор на протест, в конце концов, к терроризму?

От признания принципиальной важности политической суеты до "прямого действия" (и вождизма, нечаевщины) – всего один шаг. Это путь "Фракции Красной Армии" (РАФ) в ФРГ, основатели которой тоже начинали с "нацифизма" и "протеста" – а закончили убийствами. Это путь "теологии освобождения" в Латинской Америке.***** Наконец, это уже

полностью пройденный, и принёсший плоды, путь революции в России: породившей тот самый "совок", который так ненавидели рокеры.

Творческому человеку просто некогда протестовать.***** Он занят делом. Поэтому, политический крен абсолютно чужд идеологии Системы как движения: в высших своих проявлениях оно никак не было связано с политической ангажированностью. Русский рок не имел ничего общего с соц.реализмом (при всей своей социальной направленности) – он был его антиподом.

* Что "регистрация", что "прописка" – смысл не меняется (псевдореформы на уровне замены одних слов другими (юридические симулякры) отнюдь не исчезли с крушением коммунизма).

** К сожалению, "правильные понятия" сегодня конкурируют в России с православной традицией. Восприятие же уголовной средой христианства напоминает скорей вудуизм (где под личиной святых скрываются языческие боги). Сельская глубинка давно уже не является оплотом религиозных традиций. Она находится, по крайней мере, в ситуации двоеверия: так как влияние зоновских "понятий" очень, очень велико (сталинские лагеря и чистки перерезали духовный нерв народа).

*** Так, совершенно очевидно, что отмена регистрации по месту жительства (отсутствие в паспорте всех этих штампов, и любой привязки к местности) означала бы для государства большие затруднения в поиске преступников. А народ, веками живший в рабстве, не готов к такой свободе: страну накрыла бы волна "беспредела". Государство защищает себя от гибели, воспроизводя архаические сдерживающие структуры: это происходит автоматически, словно "невротическая регрессия" (цепляние за прошлое для общества – болезненный синдром).

И из-за низкого уровня общей культуры (детерминирующего социальное целое) вынужден страдать каждый житель России в отдельности: именно из-за неё мы живём без гражданских свобод. Большинство населения (из-за внутренней опустошённости) потребности в свободе не испытывает – оно мечтает о "сильной руке", решающей за него все проблемы.

**** Если только просвещение будет начинаться с себя самого, а не с других.

***** А ведь движение хиппи на Западе выродилось в заурядную наркоманию.

***** Симптоматично, что именно Аргентина (страна, не отличающаяся популярностью идей левого радикализма – хотя и родина Че Гевары) заметно приблизилась к идеалам свободного общества.

***** Как заметил личный друг Фиделя Кастро, Габриэль Гарсиа Маркес: "революционный долг писателя – писать хорошо". Его вряд ли можно обвинить при этом в равнодушии к своей родной стране, к Колумбии (по криминогенной ситуации весьма похожей на Россию).

6 Об этом снят прекрасный фильм "Страх и ненависть в Лас-Вегасе". Следует отметить, что и сами инициаторы "психоделической революции": в частности, Кен Кизи, впоследствии декларировали отказ от наркотиков (даже Тимоти Лири перед смертью пришёл к выводу, что "разумность – самый сильный возбудитель", и на место наркотиков поставил Интернет). Станислав Гроф открыл возможности глубокого дыхания, Стивен Лаберж – возможности контролируемых сновидений.

Существует множество безвредных, физиологических способов изучения подсознательного – наркотики для этого необязательны (конечно, если человек не глуп и не ленив). Американские хиппи связывали с наркотиками возможность того, что принимающий их человек станет "раскрепощённой и добрее" (ошибочно приписывая содержимое своего сознания воздействию препарата) и имея романтические иллюзии относительно индейцев. Думать же подобным образом в России (с её давними уголовными традициями приёма наркотиков), и после известных последствий "психоделической революции" на Западе – просто стыдно.

Не так давно было время, когда советские хиппи совершенно серьёзно считали, что курение "травки" не может сочетаться со злобой (якобы, свойственной исключительно алкогольному

опьянению). Повальное распространение каннабиса в народе вроде подорвало (наконец – то!) это глупейшее заблуждение: накурившись "химки", урла становится гораздо более опасной, чем под воздействием алкоголя (при таком же снижении самоконтроля меньше нарушается координация движений). Но теперь конопля уже, вроде как, стала освящённым историей "символом" субкультуры.

7 Например, музыкант мог сказать: "я знаю, что курение травы мне как человеку ничего не даёт – но это помогает "слышать звук", и я её употребляю ради творчества: пока без этого я не могу так хорошо импровизировать – но, может быть, потом сумею и без травки". Наркотики всегда воспринимались как нечто сомнительное: как то, что требует каких-то оправданий.

8 В данном контексте – как движения, а не как страты профессионалов (внутри этой "прослойки" в СССР, это возрождение вылилось в диссидентство, политическое противостояние; в молодёжной же среде – в формирование творческого андеграунда). Имеется в виду интеллигенция, начало которой положили "нигилисты" (разночинцы-народники): интеллигенция в понимании Лаврова и Иванова-Разумника.

9 "Можно сказать, что в этот промежуток времени, от начала 60-х до начала 70-х годов, все интеллигентные слои русского общества были заняты только одним вопросом: семейным разладом между старыми и молодыми. О какой дворянской семье не спросишь в то время, о всякой услышишь одно и то же: родители поссорились с детьми. И не из-за каких-нибудь вещественных, материальных причин возникали ссоры, а единственно из-за вопросов чисто теоретических, абстрактного характера.

"Не сошлись убеждениями!" – вот только и всего, но этого "только" вполне достаточно, чтобы заставить детей побросать родителей, а родителей – отречься от детей. Дети, особенно девушками, овладела в то время словно эпидемия какая-то – убежать из родительского дома. В нашем непосредственном соседстве пока ещё, Бог миловал, всё обстояло благополучно; но из других мест уже приходили слухи: то у того, то у другого помещика убежала дочь, которая за границу – учиться, которая в Петербург – к "нигилистам".

Главным пугалом всех родителей и наставников в палибинском околотке была какая-то мифическая коммуна, которая, по слухам, завелась где-то в Петербурге. В неё – так, по крайней мере, уверяли – вербовали всех молодых девушек, желающих покинуть родительский дом. Молодые люди обоего пола жили в ней в полнейшем коммунизме. Прислуги в ней не полагалось, и благородные барышни-дворянки собственноручно мыли полы и чистили самовары. Само собою разумеется, что никто из лиц, распространявших эти слухи, сам в этой коммуне не был. Где она находится и как она вообще может существовать в Петербурге, под самым носом у полиции, никто точно не знал, но тем не менее существование подобной коммуны никем не подвергалось сомнению". Это фрагмент из "Воспоминаний детства" Софьи Ковалевской.

Вообще же, русские "нигилисты" ("неформалы" 19 века) имели очень много общего с хиппи: от free love ("теория стакана воды") до эпатирующих обывателей манеры одеваться и поведения, отрицания классовых предрассудков – и утверждения равенства полов (сто лет назад феминизм назывался "эмансипацией"). Проклятием этого движения была тяга к насилию (спиртного, если говорить о "психоделиках", разночинцы сторонились). Сильной же стороной: опора на разум, на текст (в качестве их "сейшенов" выступали лектории, чтения рефератов или литературных произведений – почти как у битников).

Сейчас это трудно представить, но студенты 19 века после публичного чтения Фёдором Михайловичем отрывков из своих произведений в экстазе ломали спинки стульев и кричали: "Достоевский! Достоевский!". На волне литературоцентризма и нелегальных журналов (самиздата?), на волне пристального внимания к тексту сформировался, как известно, критический реализм. Русский рок можно определить как прямое его продолжение.

Влияние же идеологии разночинцев на советского человека шло как прямо, непосредственно: через школьную программу по литературе (сто лет назад по роману Чернышевского "Что делать?" организовывали коммуны-артели, это была культовая книга "нигилистов") так и

опосредованно, через марксистский утопизм, через книги по истории. Воздействие утопии было настолько мощным и комплексным, что само по себе не вызывало рефлексии, воспринималось априори: отторжение встречал лишь внешний антураж "совка", а не идейные истоки русской революции. Запоздалое осознание своей глубинной связи с утопической традицией сегодня переживают многие бывшие представители рок-движения: это выражается в их болезненно-пародоксальной ностальгии по "совку" (влияние же русского утопизма на американских битников, читавших Бакунина, Кропоткина, Толстого – совершенно очевидно).

10 Рождение коммуны как антипода коммуналки, а равно как и зарождение коммунитарного искусства в процессе отрицания соцреализма – алхимические таинства, результат неповторимых исторических условий. Родилось нечто, не связанное ни с социализмом, ни с капитализмом: новая Утопия. Система не относилась ни к "совку", ни к Западу: системный пипл жил внутри своей мечты – а попросту, НИГДЕ (в пространстве мифа). Он был НИКЕМ для мира – он был обитателем миража.

11 Утопизм однозначно вреден как программа политического действия, как план переустройства общества. Но в малой группе миф вполне осуществим: он может быть основой творческих проектов. Когда люди, не считая ту или иную форму общественных отношений самоцелью, а осознанно стремясь к высоким идеалам, попутно реализовывают миф как соответствующий образ жизни – это естественная практика.

Если утопия никому не навязывается, и никого не удерживает – она является одним из проявлений здоровой культуры. Социальное экспериментирование было направлено внутрь движения, вовне же было нацелено творчество. Если системные традиции распространялись за пределами движения, то это общество их выбирало и усваивало – а не движение, как таковое, "привносило". Влияние всегда осуществлялось через культуру, средствами искусства – ставка на "прямое действие" в Системе никогда не делалась.

12 "Сага о Системе" тоже представляет из себя литературный миф.

13 Перманентно кризисное состояние Системы исчерпывающе описано Т.Б.Щепанской. "Сага о Системе" не претендует на научный статус: это лишь любительская публицистика.

1) ВЫХОЛАЩИВАНИЕ ДУХОВНОЙ АКТИВНОСТИ

1. Упор на рок как музыкальный жанр. Если раньше Система черпала вдохновение внутри себя самой, то сегодня она всё больше ориентируется на клубную эстетику и шоу-бизнес, довольствуется модой. Движение упорно цепляется за старое, за какие-то мелочи: стандарты наподобие "ударник, ритм, соло и бас" – как будто бы в них заключается творческий дух. Если же наступает рефлексия по поводу коммерческого рока, или недемократичных цен на клубные вечеринки – то это приводит к заикленности на какой-нибудь очередной "альтернативе" вроде реггей (тоже на моде, но более узкой, сектарной).

Художественная форма абсолютизируется, содержание становится неважным: "драйв" вытесняет текст – или он сводится к определённым штампам (например, постоянно вставляется слово "Джа" или "ганжа"). Быть рок-музыкантом стало престижным само по себе: при этом совсем не обращается внимания на соответствие идеологии. Рокерам прощается даже самое подлое поведение. Они априори считаются подвижниками, "борцами" (за что?) и ставятся выше "цивилов".

Последнее обстоятельство вызывает особое удивление: разве постоянно ищущий продюсера, спонсора рок-музыкант не делает обычную карьеру? Так почему бы и не делать карьеру спокойно: без всей этой помпы, без претензий на андеграундность? Почему, например, приехавшие в город с целью "раскрутиться" (личной целью) музыканты рассчитывают на вписку, на помощь движения (хотя сами при случае показывают себя убеждёнными индивидуалистами, а не своими людьми)? Почему системные пиплы считают это нормой?

2. Творческая халтура. В Системе широко распространились занятия искусством только "для отвода глаз" – ради создания имиджа творческой личности. В ход идёт всё что угодно: от безвкусной мазни по картону до занудного графоманства – без малейшего желания совершенствовать метод "подачи". Такое "творчество", порождённое лишь самомнением и непомерным эгоизмом, стало визитной карточкой современного "андеграунда". В лучшем случае, встречается простое эпигонство.

Творчество становится исключительно способом получения выгоды – хотя это проявляется иногда и не столь очевидно, как у бизнес-бунтарей рок-сцены. В конечном счёте, вся эта халтура для очередного проходимца служит поводом претендовать на вписку, получение еды и благосклонность противоположного пола.¹ В Системе для серьёзного искусства больше не осталось места: одним из основных критериев стал т.н. "глюк".

3. Интеллектуальная ограниченность. Если раньше представители Системы были больше информированы о событиях культурной жизни, чем кто-либо другой, если они были в курсе всех последних интеллектуальных веяний, то сегодня кругозор "пишлов" удручающе невелик. И причина кроется, конечно, в них самих: так как источников информации в стране стало неизмеримо больше, чем в СССР. Просто большинство представителей движения не интересуется новыми тенденциями: оно реагирует лишь на модных писателей (Пелевин) или тех, кто был так или иначе связан с хиппизмом (Берроуз, Керуак, Радов), а некоторые ничего, кроме детской литературы (Толкина) не читают.

В целом, люди ленятся читать. Фетишизация одной какой-то книги (как темы для бесконечных "телег") стала распространённым явлением. Единственная сфера, где ещё можно встретить какие-то знания, это музыка: но и здесь проявляется определённая ограниченность (пишлы, как правило, интересуются одним каким-то жанром).

4. Подмена духовного поиска наркотическим опытом. Лживо обещая духовное откровение, наркотические "гуру" ведут свою паству к токсическому повреждению мозга и снижению интеллекта (психоорганический синдром). Попытка войти в мистицизм с чёрного хода, не прилагая духовных усилий, чисто технократическим, неестественным путём (когда за человека всё делает вещество) даёт человеку не прозрение, а просто "перетряхивает содержимое его ума". Наркотики не открывают новых горизонтов – они, по словам одного из духовных учителей, "не показывают человеку непосредственно сам его ум".

Если духовное развитие подразумевает максимальное освобождение сознания, увеличение его гибкости и независимости, то наркотики делают его тупым, малоподвижным, жёстким – и ставят в зависимость от внешнего фактора (вещества). Транс (одно из множества возможных переживаний) и прозрение (духовный опыт) – не синонимичны.

Современные апогогеты наркотической культуры (наподобие Маккены), апеллируя к шаманским практикам, при этом вырывают то или иное зелье из контекста его традиционного применения. Они также приравнивают древность подобных традиций к их духовной значимости. Это неправильно! Заблуждения вполне могут быть тысячелетними: они сохраняются гораздо легче, чем глубокие и трудные для понимания мистические истины. К тому же, если в качестве примера взять книги Кастанеда, то легко увидеть: использование "растений силы" было только временным этапом, рассчитанным на недостаточно текучих, гибких учеников: для разрушения их устоявшейся картины мира (безупречный воин для контакта с союзником, стоявшим за "растением силы", не нуждался в его употреблении).

Функция наркотиков всегда была и остаётся разрушительной. Сначала они разрушают чьи-либо стереотипы, вроде бы способствуя "раскрепощению" (чего можно достичь и без них), потом же разрушают мозг. И неуклюжее, с каждым годом

примитивизирующееся мышление наркомана (можно наблюдать, как он перестаёт читать книги, перестаёт улавливать их смысл – отдавая предпочтение детской литературе, мультфильмам, мыльным операм, якобы из "концептуальных соображений") зачёркивает эту временную выгоду. Очень редко кому-либо удавалось вовремя остановиться (это происходит чаще из-за внешних обстоятельств). Большинство же рискнувших связаться с наркотиками и психотропами² тусовщиков проигрывает свою ставку в дьявольской игре: необратимо повреждает мозг.

Если в восьмидесятые наркобизнес находился в России в зачаточном состоянии, то теперь он у нас очень развит. С появлением героина ложная терпимость Системы сыграла с ней злую шутку. Не сформировав соответствующего отношения к данному зелью (в целом, пиплы отвергают героин: но это не затрагивает окоლოსистемную тусовку), движение оказалось в эпицентре его распространения. На каждой тусовке есть "выходы" на торговцев, и, мало того, они сами активнейшим образом распространяют товар.

Трогательная любовь к личности Уильяма С. Берроуза и его мутным книжкам (вряд ли кто бы ими интересовался, не будь он обладателем престижного гражданства, а живи где-нибудь в Третьем Мире³), испытываемая представителями андеграунда восьмидесятых, была данью их исторической ситуации. Тогда проблема героина не была настолько острой, и наркотическая романтика была дистанцирована от наркотиков как таковых: она ценилась лишь с точки зрения стиля. Сегодня такой прекрасодушный подход представляется устаревшим. Акцент на употреблении тем или иным творческим деятелем наркотиков (что является глубоко личным делом), является всего лишь разновидностью рекламы. Прямого отношения к искусству это не имеет – это бизнес.

Являясь частью авторской "раскрутки", такая романтика объективно выгодна и теневому капиталу: на каком-то уровне формирование наркотической моды, вероятно, им и финансируется. Такое творчество не является честным профессиональным трудом. Оно безнравственно, а потому не является достоянием гуманитарного андеграунда. Это часть самых что ни на есть мейнстримных коммерческих отношений: к тому же, выгодных истеблишменту (как часть безопасного карнавала, спуска паров недовольства и бунта в заранее определённое русло). Кто-то, кажется, считал Берроуза бунтарём? Он не больший бунтарь, чем гениальный комбинатор Мак-Ларен, основатель "Секс Пистолз", или порнограф Генри Миллер. Это всё талантливые бизнесмены, сделавшие деньги на выигрышной в тот момент тематике.

Незачем считать их идеологами андеграунда: они себя реализовывали вне его пределов, и неплохо зарабатывали на подобном "бунте" (в стабильном, скучном обществе "безумец" всегда моден).

Творчество Берроуза, если оставить в стороне промоушн – банально. И оно способствует романтизации наркотиков. Точно так же внутренне бессодержательна и "рейв-культура", неразрывно связанная с веществами. Фетишизация тусовщиками примитивных нарко-культур вроде доморощенного "растаманства" свидетельствует о какой-то интеллектуальной недостаточности (или же об остром дефиците информации). Ведь разве не с чем сравнивать?

Стадная мода на реггей ("потому-что-это-хиппи-слушают"⁴) и пошрое курение каннабиса (чем с успехом занимается и презираемая всеми "гопота") стали визитной карточкой современных "системных" тусовщиков, даже символом. Это уже – полное вырождение.

"Пиплы" забывают, что "трава" всегда служила рычагом контроля и удобным средством для борьбы с инакомыслием. Нет ничего глупее, чем считать своим главным предназначением борьбу за легализацию марихуаны (как будто человек не может без неё прожить), что сразу же дискредитирует движение как таковое.

Представление о том, что конопля, якобы, не наркотик (или о том, что она предпочтительней спиртного) – ошибочны. Как и во всяком наркотики, в ней есть что-то дьявольское: "способность к обольщению, лукавство". Так, если алкоголик часто понимает свой порок, то гашишист не может осознать своей зависимости. Похмельный синдром ещё способен несколько затормозить падение, заставить алкоголика задуматься о необходимости бросить пить – мягкий же, незаметный, и исподволь поработавший характер конопли создаёт иллюзию отсутствия проблемы.

Если алкоголь сначала разрушает тело, а потом уже и губит душу, то каннабиол сначала поражает дух (на Востоке это называют "засорением энергетических каналов"). Как и психоз, гашишную наркоманию можно распознать извне, но никак не изнутри. Конопля пропитывает сознание человека, словно масло бумагу; и он становится скользким, обтекаемым в общении: "пробиться" к нему очень трудно. Всё воспринимается им легкомысленно и поверхностно: информация до него "не доходит".

Человек никогда не замечает тот момент, когда он начинает деградировать: напротив, ему, в глубине души, кажется, что он выше, умней окружающих: что у него открылись невероятные творческие способности (поэтому для гашишистов характерно снисходительно-презрительное выражение лица).

Воздействие конопли (и галлюциногенов вообще) проявляется в том, что самые банальные вещи кажутся откровением – и, так как большая часть подобных "откровений" никак не фиксируется, проносясь в сознании во время "прихода", уверенность в их уникальности сохраняется и в трезвом состоянии. Если же записывать подобные "находки", то их удручающая бессодержательность станет полностью очевидной.

В реальности же, начинающий употреблять каннабис как бы "консервируется", останавливается в своём развитии. Его суждения и кругозор отражают то время, когда он "подсел" (а выглядит он старше своих лет). Так, можно встретить людей образца 1972, 1977 или же 1981 года, например: в то время как здоровый человек ушёл бы очень далеко в своём развитии за столь огромный срок. Однако же, задержка – это минимум ущерба, она характерна для употребления натурального продукта с частотой примерно раз в неделю (или реже). При употреблении же "химки" (за счёт токсичности растворителя), или при частом приёме; при высоких дозах (употребление "молока") деградация идёт очень быстрыми темпами.

Человек тупеет и подлеет на глазах, становится до неузнаваемости чёрствым и равнодушным: почти как при употреблении "мульки". Подобными примерами, как правило, не удаётся убедить в вреде употребления каннабиса "альтернативного" тусовщика (слишком глубоко укоренилась лживая идея о неразрывной связи андеграунда с наркотиками).

Существует, однако, очень простой и наглядный тест. Можно предложить творческому человеку отмечать в блокноте частоту приёма препарата и частоту написания им стихотворений (если он, к примеру, поэт). И дальше действовать по принципу: "одна "хапка" – одно стихотворение". Легко будет заметить неизбежный отход от этого правила, и ухудшение качества произведений в день приёма (если тестирование будет вестись постоянно).

Наркотики мешают творчеству: обедняют фантазию, размывают авторский стиль, приводят к самоповторениям.⁵

И они вредят духовности, подменяя её трансовыми состояниями и гордыней; затуманивая ум, они лишь затрудняют поиск. Наркотики несовместимы с идеалами Системы и только полный отказ от их употребления мог бы спасти движение.

5. Эскапизм. "Уход", в системном понимании, не означал бегства от реальности: это был "выход из игры" при трезвом понимании жизненной ситуации. Это было создание своего "параллельного мира" (при полном понимании того, что окружающее общество никак не может стать ему подобным) – "социальный утопизм" как экспериментирование со своим собственным образом жизни.

Этот "утопизм" вырос из желания пойти дальше несовершенных общественных отношений, приблизиться к идеалу⁶ – он был деятельным. Сегодня же многие системные пиппы всё больше погружаются в фантазии, бегут от жизни в мир грёз, никак не проецируемых в реальность: попросту несовместимых с ней. Наиболее ярко это проявилось в зарождении внутри Системы толкинизма.⁷

Толкинизм, будучи проявлением крайней степени инфантилизма, не может породить и подлинного творчества: подделки его представителей лишь копируют образцы маскультуры (частью которой является фэнтази – адаптированные под вульгарные вкусы толпы копии мифов). Мало того, что толкинизм явление дважды вторичное, его адепты, кроме этого, отличаются крайней узостью кругозора, поверхностностью знаний и повышенным самомнением.

Участие в "ролевом движении" уродует людей почти что как приём наркотиков: оно выхолащивает способность к восприятию культурного наследия. Серьёзные, глубокие концепции толкинисту изучать просто лень: он привык поглощать пережёванную за него другими духовную пищу. В искусстве он не идёт дальше дешёвых эффектов, а в религии не видит дальше ритуалов. И этот умственный паралич сохраняется у человека ещё долгие годы после выхода из "ролевого движения".

Для Системы же, как таковой, заигрывание с толкинизмом означает подрыв собственных основ. Сейшн (выход творческой энергии за пределы субкультуры) не имел ничего общего с игрой (варением ролевиков в своём собственном соку). Русский рок не имел ничего общего с эскапизмом. Ни толкиенисты, ни рейверы не могут считаться продолжением Системы, её "сменой": это не альтернативные движения, а всего лишь пена маскультурной моды.

6. Синкретизм. Общее снижение интеллектуального уровня движения проявляется в поверхностном, несерьёзном отношении к религиозным традициям. Духовная практика превращается при таком подходе в ещё одну сферу досуга, наряду с пати и играми, а религиозная принадлежность – в разновидность хобби. Выражением такого извращённого подхода стал Нью Эйдж, вместе с давними российскими аналогами (солянкой а-ля Рерих и Ко) претендующий на владение универсальным, всеобъемлющим "Знанием", якобы снимающим противоречия между отдельными религиями. Нахождение своего пути в этом тумане становится затруднительным, а то и вовсе невозможным.

Увлечение подобными компиляциями раньше, в условиях СССР могло быть оправдано нехваткой информации: но теперь это уже показатель отсутствия умственной ясности. Это нездоровая тенденция, хотя Нью Эйдж и не означает нравственного вырождения своих последователей⁸: часто они остаются милыми и добрыми людьми (если же говорить о Системе – нередко входят в состав творческих коммун). Нью Эйдж просто порождает крайнюю интеллектуальную запутанность, задерживает человека где-то на пороге реальной духовности, делая акцент на второстепенных, мелочных магических проблемах и на суевериях.

7. Вульгаризация религиозности. Сегодня в Системе появилось множество нелепых "проповедников", путешествующих автостопом, чтоб "нести людям истину" – но при этом действующих вне своей традиции и плохо, крайне однобоко её понимающих. Вместо того, чтоб завершить свой собственный духовный поиск и начать работу над реализацией религиозных идеалов, они торопятся учить других, стремятся "гурствовать". Конечно, это шарлатаны от духовности: но, как правило, они встречают радужный приём.

Когда обман вскрывается, или становится очевидным недостойное, паразитическое поведение такого "гуру", он в спешке покидает город, чтобы осесть в каком-нибудь другом. Дороги заполнились псевдо-даосами, псевдо-юродивыми, псевдо-суфиями, псевдо-тантристами: по-большой части проходимцами, но иногда и просто окончательно запутавшимися людьми.

8. Сектантство.⁹ Из современных пиплов, пользуясь их слабой общей информированностью и критичностью, теперь нередко формируют паству всевозможные лжеучители.¹⁰ Часто и сама Система представляется пиплам как некий культ. Олдовые нередко формируют вокруг себя паству, выступая в роли мистических "учителей": впоследствии такие группы отделяются от движения и продолжают существовать обособленно (обычно эти культы связаны с толкинизмом, но иногда харизму лидера подпитывает Агни Йога или прочие подобные "учения"¹¹).

2) ВЫРОЖДЕНИЕ ЛЮБВИ

1. Враждебность по отношению к "цивилам". Системными пиплами забываются идеи альтруизма и открытости, движение постепенно приобретает антисоциальную направленность. Все, кто непохож на них самих, встречаются "пиплами" с неприкрытой неприязнью. Иногда степень этой неприязни дорастает до ненависти: что полностью уничтожает смысл движения как такового.

Испытывая враждебность по отношению к "цивилам" и "мажорам", пиплы ставят себя на одну доску с презираемой ими же самими "гопотой": которая точно так же ненавидит чужаков (впрочем, такое презрение является не в меньшей степени отходом от идеалов любви). За этой враждебностью, несомненно, стоят сакраментальные классовые противоречия между "пролетариатом" (большинство пиплов являются рабочими) и "буржуазией" (представителями интеллектуального труда). В истории нашей страны это всё уже было – и результаты известны. Система была призвана смягчить эти противоречия¹² без политической борьбы, за счёт возможностей движения.¹³

Тот, кто как-то закрепился в обществе, помогал это сделать другим, а тот, кто прошёл некий путь, помогал впоследствии идущим следом. Система не означала принципиальный отказ человека от имеющихся у него возможностей: она означала необходимость помощи менее удачливым и обделённым возможностями. Выбор конкретного образа жизни определялся интересами подобной помощи (осёдлый образ жизни) или духовного развития (кочевой), при том, что возможность помогать другим считалась важнейшей свободой, поддержкой духовного роста.

Впадение в крайности как с одной, так и с другой стороны (люмпенизация или снобизм) одинаково разрушительны для движения. Рост враждебности по отношению к "цивилам", повлекший за собой исчезновение дружественной ауры своих людей, делает невозможным осуществление как духовного поиска (за счёт отсутствия каналов информации) так и духовного творчества (которое не может диктоваться ненавистью).

Эта же враждебность подорвала трудовую этику внутри самой Системы, сблизив её с уголовным миром. Иногда вражда приобретает даже привкус ксенофобии, нацизма – что является уже полнейшей, абсолютной деградацией.

2. Вульгарная корпоративность. Забвение идеалов любви приводит к утверждению внутри движения принципа "ты мне – я тебе" (вместо возврата морального долга Системе). Поэтому место традиций взаимопомощи, ориентированных на незнакомых людей, заняли, в лучшем случае, обычные дружеские отношения, личные связи. А чаще попросту в "альтернативной" оболочке воспроизводятся стандарты окружающего общества.

Порыв угас: движение сравнилось по своим параметрам с обычным миром. Почему это произошло? Потому что постройка действительно новых, более гармоничных общественных отношений подразумевает детальное усвоение уже существующих: отталкиванию от традиции – следующему шагу – предшествует реализация этой традиции. Не прошедший в полной мере буржуазной школы, не исчерпавший для себя "цивил" – неизбежно воспроизведёт его под видом "альтернативного образа жизни". Именно это и происходит сегодня в Системе (пример с карьерой музыканта приводился выше).

Системная этика базировалась на простой порядочности. Созданию коммуны должно было предшествовать создание каждым её участником собственного дома. Путешествиям предшествует развитие им навыков труда. Сегодня всё это почти забыто – и движение теряет свою "соль", утрачивает лучшие традиции.

3. Отсутствие ответственности перед другими. Равнодушие и эгоизм стали доминирующим качеством у большинства "системных". Каждый ориентирован на собственную выгоду. Данные кому-то обещания "пиплом" не выполняются, долги почти что никогда не возвращаются,¹⁴ а честность и правдивость стали редкостью. Типичный современный "пипл" – это "большой ребёнок" в плохом смысле слова: инфантильный, недоразвитый субъект. В нём нет ни капли непосредственности и открытости, он лжив и изворотлив: его поведение направлено на то, чтоб получить какую-то "ирушку", будь то заботивый друг или желательный партнёр. Потребности других при этом не учитываются.

Поэтому, в частности, женщины манипулируют мужчинами, совершенно не ценя их – а мужчины, в свою очередь, сексуально эксплуатируют женщин. Такая модель отношений бьёт в первую очередь по детям: по этим несчастным изгоям Системы.

Рождение ребёнка (связанная с чем ответственность "системными", как правило, не понимается) становится неприятным сюрпризом для "пишлов". Типичным случаем является бросание на произвол судьбы мужчинами своих беременных подруг, или оставление женщинами своих детей на попечение родственниками. В результате они вырастают озлобленными сиротами и пополняют уголовный мир.

"Потомственные хиппи" – почти всегда изломанные, с исковерканной психикой, люди. Это говорит о вырождении движения, празднующего свой "день рождения" в международный День защиты детей.

Реальные дети замещаются абстрактным символом, реальная любовь заменяется пустыми декларациями. То же самое относится и к отношениям системных с их родителями. Далеко не в каждом случае они являются выходцами из неблагополучных семей (в которых антагонизм неизбежен), но практически всегда "пишлами" культивируется подростковый негативизм по отношению к родственникам, какая-то паразитическая установка.

Говоря об абстрактной любви (если, конечно, само это слово ещё не забыто) "пишлы" поворачиваются спиной к тем, кто любит их самих, предпочитая ожидать любви и нежности от окружающего общества. Любовь родителей воспринимается как должное, точнее, не воспринимается "пиплом" никак – а неприязнь уличных прохожих вызывает странную обиду.¹⁵

3) ИЗВРАЩЕНИЕ СВОБОДЫ

1. Подмена гибких предпочтений жёсткими поведенческими схемами. При размывании идеологии, и появлении табу на её обсуждение, в Системе утвердились крайне мелочные представления о должном поведении. Жизнь полностью регламентирована в несущественных деталях: например, в вопросах, как следует одеваться. Идиотское цепляние за хайр и фенечки, акцент на внешней атрибутике ради неё самой – вот то, что сегодня считается принципиальным (как будто движение создавали дизайнеры и модельеры).

В Системе сегодня ценится асоциальность, стаж пребывания в движении, "прикид". То есть "пипл" обязан вступать в бесконечные конфликты с обществом, он должен оставаться в движении не смотря ни на что, и ему необходимо одеваться соответствующим образом: при этом всё это считается "свободой". Отклонения от общепринятых шаблонов вызывают у "пиплов" недоумение.

Как метко кто-то выразился, "хиппи хотят быть непохожими на всех но, сами при этом – как две капли воды похожи друг на друга". И действительно, набор типажей современных "пиплов" ограничен: можно говорить о нескольких стандартных клонах.

2. Неприятие образованности. Если во времена СССР люди уходили со вторых и третьих курсов институтов в андеграунд¹⁶, то только потому, что в нём они могли найти ту информацию, которая была им жизненно необходима. Бросая институт, они активно занимались самообразованием (что в советские времена могло быть предпочтительней).

При этом высшее образование было бесплатным, доступным для всех: никогда не поздно было вернуться, или поступить в другой какой-то ВУЗ¹⁷, в отличие от наших дней.

Но именно сейчас в Системе утвердилось отрицательное отношение к образованию, к "мертвящему академизму" – каждому навязывается отказ от получения диплома (любой, идущий против этой антиинтеллектуальной установки, явственно ощущает на себе моральное давление среды).

В результате шансы упускаются, и наступает вынужденная маргинализация: человек не может проявить свои таланты и способности на профессиональном уровне.

Кроме этого, всё больше падает интеллектуальный уровень самой Системы: её представители не обладают ни малейшей интеллектуальной дисциплиной, а поэтому непродуктивно мыслят и не могут быть достаточно критичными. Они перестают быть внутренне свободными: они не могут отличить главное от второстепенного, настоящее от подделки, ложь от правды. В результате, современные "пишлы" становятся жертвами чужих манипуляций.

3. "Протест" вместо выхода из игры. Вступая в постоянную немотивированную конфронтацию с социумом, находясь во власти примитивного бунтарского рефлекса, представители сегодняшней Системы часто тяготеют к экстремизму и дешёвому позёрству.

Не обладая пониманием сложнейших политических проблем, они становятся заложниками демагогии и конъюнктуры, разменной картой чьих-то личных интересов. Ставка на протест и возмущение позволяет обрести харизму ограниченным и ничего не представляющим из себя в творческом отношении лидерам.

Известно, что чем больше шума создаёт конкретный человек вокруг своей персоны – тем меньше у него достижений в области искусства, тем менее детально разработана его позиция, тем дальше он отсозерцательной духовности ("пустая бочка" из басни И.А.Крылова).

Борьба же за абстрактную "свободу" (без чёткого понимания целей и знания ненасильственных, достойных, эффективных методов) приводит только к пагубным, непредсказуемым и малообратимым результатам. Понимание её как свободы от чего-то, как негативной оппозиции, сближает Систему с уголовной вольницей.¹⁸

В конечном счёте, многие "пишлы" и обнаруживают себя за решёткой из каких-то совершенно мелких, незначительных причин (наподобие употребления "травы"). Так стоит ли ради подобной ерунды и бесполового протеста "подставляться"?¹⁹

4. Отрыв тусовки и занятий автостоппом от системной традиции в целом. Превращение тусовки в самостоятельный, противостоящий Системе феномен: возникновение в восьмидесятые годы популистского крыла движения (т.н. "вечной пионерии", порождающей со временем олдových) в девяностые годы увенчалось его доминированием внутри движения.

Реформисты (творческая ветвь) не только остались в меньшинстве, но и потеряли влияние на общий поток. Власть в движении захватили олдových, а то и просто полууголовные элементы (неудачники в мире блатных, среди мягких, миролюбивых пишлов они нашли себе тёплую нишу – здесь они могли, наконец, почувствовать себя "крутыми"). Фактически, движение сегодня состоит из подобных великовозрастных люмпенов и из их подросткового окружения.

Серьёзные люди долго не задерживаются в Системе, уходя в (пока ещё не до конца оформившийся) новый андеграунд, оставляя движение на откуп подросткам и

всяческим проходимцам. Передача идеологии и традиций прервалась, творческий процесс в Системе почти полностью прекратился.

Немногочисленные героические идеалисты – последние энтузиасты – из последних сил сопротивляются напору тупых и агрессивных заправил движения и толпы запутанных, обманутых подростков (не знающих: что же им, собственно, нужно). Местами общая картина лучше (в дальних регионах) а местами хуже (в крупных городах).²⁰ Наиболее наглядно это проявляется в эпидемии бессмысленного автостопа, подогреваемой, к тому же, деятельностью известных "лиг".

Став одним из главных атрибутов "крутости", километражный спорт нанёс огромный вред движению (не успевшему вовремя от него абстрагироваться). Ведь "лига автостопа", как правило, подразумевает существование обслуживающей её "лиги вписки". На роль последней праздные туристы избрали, конечно, Систему, нещадно эксплуатируя последних оставшихся в движении альтруистов.

Флэта были забиты массой автостопщиков, заинтересованных сугубо в личном отдыхе (особенно – за чей-то счёт). Возникла стадная молодёжная мода, с мимикрией под хиппизм, прикрытая цитатами из Керуака и разглагольствованиями о "свободе", но на деле же являющаяся выражением внутренней пустоты.

5. Широкое распространение паразитизма и люмпенизация движения. В Системе полностью разрушена (и так не очень разработанная) трудовая этика. Закономерным образом это ведёт к её растущей криминализации, к сближению с уголовной средой. А из криминального болота нет и не может быть конструктивного выхода: появление этой тенденции неоспоримо свидетельствует о скорой смерти движения – и его окончательном перерождении (опыт американских предшественников показал, что йипши со временем превращаются в уголовников – или, в лучшем случае, возвращаются к своим буржуазным корням – уже в качестве яппи).

Разрушение идеологии сегодня превратило миф в типичный губительный мираж, в неосуществимую, абстрактную мечту: в болотный огонёк, заводящий путника в трясины. Движение наполнилось огромной армией "хиппи по нужде"²¹: когда-то обманувшихся, и заблудившихся в "параллельном мире" андеграунда людей. Они бы и рады вернуться в обычное общество, да сожжены мосты (отсутствует образование, наркотиками иссушен мозг). Перечистенные разрушительные тенденции не свели движение в могилу только потому, что они взаимопротиворечивы. Если бы возобладала какая-то одна из них, Системе бы давно пришёл конец. Пока же миф не окончательно вобрал в себя подобные влияния, пульсация пассионарной активности каким-то чудом продолжается: хотя она слабеет с каждым годом.

Но уже наметился сценарий полного конца: Система устремилась по американскому пути, и вскоре превратится в чисто наркотическую субкультуру, попросту в придаток наркобизнеса. Ведь наркотизм успешно сочетается с любой из разрушительных тенденций: хоть с эскапизмом, хоть с экстремизмом, хоть с уголовщиной, и главное – он тесно связан с денежными отношениями. В условиях капитализма, несомненно, именно наркотики убьют движение как таковое. Если у большинства пиплов будет повреждён их мозг, то никакой миф им не сможет помочь.

1 Если речь идёт о графоманстве, то последней цели служит т.н. "фаллическая тетрадь": сборник мутных новелл без разработанной системы персонажей, написанных, как правило, от первого лица и описывающих либидозные терзания лирического героя.

2 Злоупотребление реланиумом, циклодолом и т.п. (ради чего, по мере деградации, тусовщики идут на симуляцию психических расстройств, и, обманывая психиатров, злоупотребляют препаратами: в результате чего действительно превращаются в психически больных: у них, как минимум, развивается всё тот же психоорганический синдром). "Корректоры", каллисол, конопля, к тому же, провоцируют развитие психозов – точно так же, как и ЛСД.

Вместо ломки стереотипов человек может поломать свой разум, погрузиться в полную запутанность.

3 *Почитание Берроуза как какой-то "священной коровы", отмечающее сразу же любую критику в адрес этого фетишизированного мэтра, выдаёт глубокий провинциализм мысли, внутреннюю несамодостаточность.*

4 *Сегодня слово "хиппи" и символика шестидесятых зачастую служат целям наркобизнеса.*

5 *Способность музыканта к импровизации тоже (со временем) ухудшается: она медленно, но неизбежно им утрачивается – профессионал же, не употребляющий "траву", всё больше совершенствует её.*

6 *Как уже неоднократно говорилось, Система не пыталась "притягивать за уши" к этому идеалу всё общество: воздействие шло исключительно через искусство и личный пример. Это именно то, что отличает здоровый "утопизм" (как один из всех возможных стилей жизни) от революционного, экстремистского утопизма.*

7 *Всё то, что есть в т.н. "ролевом движении" от социального движения, является наследием Системы. Толкинизм бесплоден.*

8 *По крайней мере, ни мозг не повреждается, ни социальная адаптированность не снижается.*

9 *Под сектантством понимается религиозная нетерпимость и ограниченность, косность поведения и умственная жёсткость, шаблонное мышление, а не принадлежность к малочисленной религиозной конфессии.*

10 *Критерии настоящего духовного учителя изложены в любой традиции. Если же кто-то утверждает, что он инспирировал какой-то "новый путь", он должен наглядно продемонстрировать своё превосходство над великими предшественниками. Поскольку появление Учителей планетарного масштаба событие исключительно редкое, каждый духовный наставник должен принадлежать к той или иной традиции, линии передачи, восходящей к великому основателю.*

Противопоставляющие себя всем существующим традициям, но при этом объективно не способные повторить и превзойти деяния предшественников – лжецы. Торопящиеся наставлять других, не разобравшись с собственным умом – глупцы.

11 *Как ни странно, этот список дополняет иногда и примитивный подростковый сатанизм, наиболее дебильный культ из всех возможных.*

12 *Полностью они, к сожалению, неснимаемы: попытка устранить неравенство в окружающем обществе (а не максимально компенсировать, смягчить его) начисто уничтожает свободу. Система каждому давала шансы найти себе подходящую социальную нишу. Следует отметить, что не всякий труд рабочего "ниже" интеллектуального труда: как в отношении оплаты, так и по возможности участия в культурной жизни. Всё очень относительно: поэтому тяга к марксистскому, абсолютистскому варианту утопии гибельна для Системы.*

13 *Глобальное же улучшение общественного строя понималось как задача этого общества в целом (что без развития культуры невозможно). Система была только моделью будущего, проектом более совершенных общественных отношений: и если какой-то идеал оказывался неосуществимым внутри движения здесь-и-сейчас, значит он никогда не мог бы быть осуществлённым. Система занималась социальными экспериментами, но не навязыванием своей Утопии в целом (другими субкультурами заимствовались отдельные элементы, наподобие традиций вписки).*

14 *Речь не идёт о безвозмездной помощи, при просьбе о которой откровенно говорят о невозможности компенсации. К тому же, в принципе, такая помощь не подразумевает просьб – она должна осуществляться человеком по призыву совести, не по причине внешней*

"стимуляции". Сегодня появилось множество манипуляторов, рассчитывающих на жалость, злоупотребляющих добротой ещё оставшихся в Системе подлинных пиплов.

15 Недостаток экзистенции и внутреннюю пустоту "пипл" проецирует вовне, на "мёртвое" и "механическое" общество: в то время как проблема состоит в его искусственных, надуманных концепциях. Нехватка жизненности, ощущение своей призрачности, нереальности, побуждает картонных героев Системы провоцировать конфликт с нейтральным окружением, при помощи особых ухищрений делая его действительно враждебным. Одевая провоцирующий, оскорбительный наряд (людей раздражает ложь, нарочитость надписей вроде "I love you" на одежде – в сочетании с высокомерно-презрительным видом) и получая, наконец, ответную реакцию, "пипл" чувствует свою реальность, свою значимость.

16 Система не была рассчитана на школьный возраст, и её заметное помолодение (основную массу автостопщиков сегодня составляют, например, старшеклассники и учащиеся ПТУ) тоже отражает вырождение, вульгаризацию движения. Основная масса пиплов советского периода находилась в студенческом возрасте, костяк движения составляли люди 20-24 лет. Приход в движение юного, незрелого человека оказывается для него разрушительным: это дело не его ума и жизненного опыта (исключением могут быть лишь выходцы из социальных низов, беглецы из уголовной среды: у которых нет выбора и которые раньше взролеют).

17 До 35 лет каждый желающий успевал это сделать.

18 И разве не показательно, что ориентированные на такую вольницу субъекты лучшую часть жизни проводят за решёткой: их внутренняя ограниченность ощущается в кирпич тюремных стен. Так где же тут "свобода"?

19 Споры нет, есть диссидентская традиция. Но это не является прерогативой именно Системы (диссиденты могут быть своими людьми для движения в мире интеллигенции), и правозащитная деятельность требует наличия хорошей информированности, полной компетентности, серьёзной юридической подготовки, международных связей, и главное – профессионализма. В противном случае она неэффективна и становится каким-то фарсом (из серии "бодался телёнок с дубом").

20 Здесь не имеются в виду ростки принципиально нового движения, пока ещё никак себя не называющего (люди, избегающие затёртых слов "хиппи", "пипл", "Система" и находящиеся в стороне от "неформалов").

21 Здесь не имеются в виду очаявившиеся, пришедшие в остервенение жители депрессивных регионов: самородки, приходящие в Систему, чтоб спастись (как правило, успешно "вылезаящие из житейской ямы"); речь идёт о неудачниках движения, бесцельно проводящих в андеграунде долгие годы.

ИТОГИ

Система обречена: и причина её неизбежной гибели кроется в неадекватной времени идеологии (запутанной и внутренне противоречивой), в несовершенном мифе. Так как изменить что-то внутри движения уже нельзя, всем здравомыслящим людям придётся покинуть Систему (что уже многие сделали) ради следования её же прежним идеалам. Движение больше не выполняет собственных задач, а, напротив, лишь мешает их реальному осуществлению.

Вхождение в этот мутный поток имеет мало смысла для духовно ищущих – и уж совсем бессмысленно для творческих людей. Система стала достоянием истории: мы можем попытаться проанализировать её идеологию, но возродить – не можем. Целесообразно прекратить мусолить тему хиппи, рок-н-ролла и т.д. Дух давно покинул эти сферы. Опять настало время изначальной неопределённости, время отдельных творческих коллективов и ищущих одиночек. Рано или поздно дух проявится в какой-то новой форме – и это уже происходит на наших глазах.

В России возникает новое, постмодернистское кино и новая литература. Есть шанс на то, что в этой области ещё возникнет что-то необычное – такое, чего не было на Западе. Ведь наш постмодернизм рождается не из комфорта и сопутствующей ему скуки, а из внешнего и внутреннего хаоса, из подлинной национальной катастрофы (его можно назвать "катастрофическим постмодернизмом").

Излом судьбы, излом характеров, полнейшая российская запущенность, жизнь на обочине прогресса, вне мировой истории – эти трагические обстоятельства являются источником огромной творческой энергии (в сочетании с потоком свежей информации).

Что нам ещё осталось, кроме жизненно необходимой духовности – и утешения искусством? Если возможен внутренне духовный, целостный постмодернизм – то он возникнет именно в России (комичная идея о духовном постмодерне сродни идее о духовной роли танцевальной музыки; но рок ведь сделал своё дело: посодействовал увеличению терпимости).

Если же это очередная иллюзия, мы всё равно ничего не теряем: так как у нас, кроме чисто духовных возможностей, ничего больше нет.

Если кто-нибудь раздумывает, окунуться ли ему сегодня в жизнь Системы – вероятно, стоит отказаться от такого шага (оставшись своим человеком).

Если же кто-то, волею судьбы, сегодня варится в её котле – настало время покидать движение. Для тех, кто всё ещё находит смысл в существовании гуманистического андеграунда, настал момент создания принципиально новой субкультуры. Подобное дело, возможно, по плечу сплочённой группе творческих энтузиастов, при следующих основных условиях:

1) Общение между людьми должно осуществляться на основе какого-то общего дела, при наличии у каждого уже готовых результатов творчества. Первым шагом должен быть индивидуальный, законченный творческий акт, и только при наличии оформленной концепции человеку имеет смысл устанавливать контакты с представителями андеграунда (точнее, они первыми заметят новичка: никто не должен никому навязываться).

2) Движение должно быть крайне динамичным: нужен упор на непрерывную цепь действий, на процесс (не на структуру) и никто не должен оставаться в нём пассивным, почивать на лаврах. Если движение будет жить деятельным настоящим, то тогда оно станет действительно катализатором творчества, а не приютом "маниловых".

3) Периоды пребывания в гуще общения, в потоке активности, должны чередоваться с периодами самопогруженности и накопления творческих сил. Движение должно свободно "отпускать" своих участников – и "принимать" обратно.

4) Если есть какой-то уровень возможностей и благ, нужно использовать его для пользы остальных – не стоит торопиться становиться маргиналом. Если есть возможность получить образование, то следует использовать её безотлагательно. Необходима трудовая этика: каждый участник движения должен работать.

5) Если в городе каким-то чудом действует Система (в прежнем виде), не следует пренебрегать её традицией. Если новый андеграунд только формируется, то она уже имеет действенные наработки: первым делом следует осмыслить накопленный ею опыт.

6) Имея знание ответов на вопросы: "что", "как", "зачем" и "почему"; имея представление об опыте предшественников, нужно переосмыслить идеологию Системы, и сделать следующий шаг. Если же нет ясного понимания ответов на указанные вопросы, то "не стоит суетиться".

7) Только если "новое" успешно состоялось, следует отбросить "старое". Пока ещё Система остаётся уникальной: если же, поддавшись разочарованию и преисполнившись цинизма, взяться разрушать последние остатки мифа, множество людей останется без шансов на дальнейшее развитие.

8) Новый андеграунд должен, кроме чётко сформулированных, закреплённых на бумаге версий предпочтительной идеологии (и представлений о своём участнике), сохранять принципиально открытый характер. Необходимо поддерживать духовно ищущих и творческих самородков.

9) Новое движение должно совершенно отказаться от внешней атрибутики в пользу создания текстов. Наличие каких-либо определённых внешних символов уводит в сферу кажимостей, создаёт основу для проникновения в движение внутренне чуждых людей, создаёт предпосылки для последующего размывания его идеологии.

10) Направленное на гуманизацию культуры творчество должно остаться главной целью. В какой конкретно форме оно может проявляться – не столь важно.

11) В идеале, движение должно направляться непосредственно идеями – без личного руководства. Так как один человек не способен создать целостную идеологию (он может только предложить отдельные идеи) – его находки должны подвергаться детальной критике, и, после апробации (если был достигнут достойный результат) закрепляться в традиции, абстрагироваться от создателя.

С конкретным человеком может случиться всё, что угодно – но это не преуменьшает ценности его находок. Удачные идеи должны сохраняться в любом случае: идеология, как результат (а не проект), должна быть анонимной, шире чьих-то индивидуальных интересов.

12) В идеале, атмосфера движения должна создаваться не конкретными людьми, а воздействием произведений внутренне духовного искусства. Опять таки, не важно, чем закончил тот или иной творец. Если его порыв был подлинным, искренним – результат работы должен сохранять свою ценность для нового андеграунда.

13) Лидерство должно быть только ситуационным: направленным на достижение конкретного общезначимого результата. Однократная акция, для осуществления которой собирается творческий коллектив – после чего он самораспускается – гораздо предпочтительней плановой работы, рискующей превратиться во что-то надуманное и уводящее от изначального смысла, во что-то тормозящее развитие людей. По

крайней мере, плановая работа не является прерогативой андеграунда: это стиль работы одиночек-профессионалов.

14) Творческая группа должна формироваться по принципу "СУММА+ОДИН": при наличии серьёзных результатов творчества и его общей концепции, человек предлагает другому (тоже имеющему результаты) сотрудничество на её основе.

Если второй человек соглашается, он примыкает и вносит дополнения, коррективы в первоначальную концепцию. После того, как эти люди достигли общего соглашения, они приглашают третьего (обладающего творческими результатами), поработать вместе с ними, опираясь на возникшую концепцию.

И только после внесения им новых корректив, и достижения согласия между тремя, в группу приглашается четвёртый. Процесс повторяется до тех пор, пока группа не почувствует себя созревшей для работы над конкретной поставленной целью (которой может быть, например, издание альманаха).

Оптимальное количество участников – 3, 5, 7 человек.

Итак, никто не должен приниматься в группу "скопом", без адаптации каждого нового члена к общей идейной платформе, и без внесения им жизненно необходимых корректив. Решение о приглашении нового человека к участию в творческом проекте должно приниматься, как в коммуне, лишь единогласно; решение же об его отстранении от работы – большинством, при анонимном голосовании (и параллельно должен ставиться вопрос об отстранении того, кто хочет исключить конкретного участника).

При этом следует учитывать, что группа – только средство, и происходящее в ней не является событием вселенского масштаба. Нельзя допускать перехода на личности (обсуждаются только концепции) и враждебного, ревнивого отношения к другим подобным группам.

Выход, переход, двойная принадлежность, создание новой группы должны всячески приветствоваться, а деятельность других групп – дружески поддерживаться (как рекомендует М.Б. Кордонским, В.И. Ланцбергом).

После достижения поставленной задачи группа обязательно должна самораспускаться, чтоб процесс повторился с начала (желательно создание хотя бы двух подобных новых групп).

15) Концепция творческой группы и её практический опыт должны закрепляться в тексте, равно как и её версия понимания идеологии движения в целом. Это может реализоваться в самиздате. Например, активизировать создание концепций можно путём организации чтения рефератов (что уже имело место в коммунитарном опыте Владивостока).

Стремящиеся расширять свой кругозор гуманитарии объединяются в сообщество, для интенсивного обмена информацией: при этом каждый "сжимает", конспектирует определённую часть информации (что очень важно в условиях информационного взрыва, и дефицита времени на чтение). Каждый становится для других консультантом в какой-либо области – рекомендует им те или иные источники, делится с ними "концентратом", квинтэссенцией полученных им знаний.

Условием вхождения в подобный круг является устное сообщение. Каждое собрание проходит по следующему сценарию: сначала идут доклады по написанным статьям, потом просто сообщения (после каждого выступления все, по кругу, высказывают своё мнение – и, наконец, задают вопросы докладчику). В конце – свободное общение.

Итак, человек, написавший обзорную статью (опираясь на какие-то источники) зачитывает на собрании доклад. Если же он сформулировал какую-то концепцию - то может предложить другому докладчику (с готовой статьёй) объединиться для выпуска самиздатского номера: и проведения итогового, тематического семинара (на который приглашаются все желающие).

Их обзорные статьи являются уже каким-то осязаемым минимумом: основой для простейшего журнала. Когда (вышеописанным путём) уже сформировалась группа - она, в своём кругу, проводит несколько собраний: на которых участники выступают с собственными, авторскими статьями. Именно они становятся главным содержанием самиздатского выпуска.

Когда они написаны, зачитаны, и встретили в кругу участников проекта критику - их окончательный, отредактированный вариант входит в состав номера. В идеале же, номер открывает некий коллективный (анонимный: имеющий только название, и указание на время, место написания) манифест, в котором резюмируются концептуальные, и, главное - организационные находки данного проекта (или подобный документ, доставшийся в наследство от предшественников).

В таких абстрагированных от личностей манифестах (при желании развитие идей, конечно, можно будет проследить по авторским статьям - но это непринципиально для движения) может конденсироваться наиболее жизнеспособная идеология, и может закрепляться эффективно действующая традиция.

Работающие идеи сохраняются и будут подхвачены. Пустые прожекты забудутся. И такой процесс развития идеологии и совершенствования традиции не будет требовать участия в нём лидеров: к тому же, утвердится множество возможных версий. Можно будет выбирать ту, что пришлась по душе.

А если кто-то будет декларировать свою приверженность тому или иному манифесту (или предлагать какой-то новый) - сразу станет ясно, что именно всё это значит.

Итак, структура номера может быть следующей: анонимный манифест, авторские концептуальные статьи, обзорные статьи; и, наконец, всё остальное (хроника собраний, новости движения, рецензии, эссе, рассказы и стихи - то, что соответствует концепции, и связано с тематикой данного выпуска). После того, как журнал презентуется на открытом собрании, после того, как проведён семинар - коллектив самораспускается (даёт начало новым группам).

Если процесс снова инспирирует тот человек, который положил начало первой группе, за ней может оставаться прежнее название (это будет второй номер самиздатского журнала). Если же концепция изменена, или если кто-то инспирирует новый проект - название тоже должно быть другим. Могут сосуществовать журналы, имеющие продолжение, и единичные альманахи, в которые будут входить только самые лучшие материалы (формирование идеологии).

Изредка могут формироваться сборники анонимных манифестов (формирование традиции).

Тем самым будет заложена интеллектуальная основа нового движения. И только после этого (когда все тёмные вопросы прояснятся) можно будет делать шаг навстречу мифу: он не будет шагом в пустоту. Тогда, возможно, актуальным станет творческий порыв и прежняя дистанция от общества.

16) Новое движение должно быть светским, неполитическим (принципиально ненасильственным), не претендующим на реализацию единственно правильного образа жизни, децентрализованным (неформальным) и абсолютно отрицающим наркотики и криминал.

17) Должно быть достигнуто двуязычие: одинаково свободное владение как русским, так и английским языками.

ОТ АВТОРА

Этот текст должен подвергнуться критике – и он будет, конечно же, раскритикован. В нём много вынужденных повторений, слишком вольных обобщений; много двусмысленных, а то и попросту банальных фраз. Задача критиков, возможно, в том и состоит, чтобы они-то написали, наконец, серьёзную, систематическую, целостную, более понятную работу о Системе.

Когда же, в самом деле, появится подобный текст? И почему системные пины предоставляют дело изучения движения лишь журналистам, социологам и психиатрам?

Читателю предоставляется свобода для любых интерпретаций Саги: это метафорический, художественный текст. Меня же самого Система больше не интересует – гораздо интереснее жизнь нового, никак ещё не названного, андеграунда. ВСЕГО ВАМ ДОБРОГО! Декабрь 1999г.

" – Как? Вы уверены в том, что сами пишете? Не измените ли Вы всё вновь, не уклонитесь ли от наших вопросов, заявив при этом, что все возражения направлены вовсе не на то, о чём Вы говорите? Готовы ли Вы повторить, что никогда не были тем, за кого Вас принимают?

Вы уже заготовили себе лазейку в следующую книгу, Вы намерены выкрутятся и посмеяться над нами, как сейчас: "Нет-нет, я вовсе не там, где меня подстерегают, а здесь; вот отсюда я, улыбаясь, гляжу на Вас".

– Неужели Вы думаете, что я затратил бы столько труда и так бы упорствовал, склонив голову, в решении своей задачи, если бы не заготовил неуверенной дрожащей рукой лабиринт, по которому смог бы путешествовать, располагая свои посылки, открывая тайники, уходя всё глубже и глубже в поисках тех вех, которые бы сократили и изменили маршрут, – лабиринт, где я мог бы потерять себя, и предстать перед глазами, которые уже больше никогда не встречаю

Без сомнения, не я один пишу затем, чтобы не открывать собственное лицо. Не спрашивайте меня, что я есть, и не просите остаться всё тем же: оставьте это нашим чиновникам и нашей полиции – пусть себе они проверяют, в порядке ли наши документы. Но пусть они не трогают нас, когда мы пишем." Мишель Фуко ("Археология знания").

С автором можно связаться по адресу: 690037, Россия, Приморский край, Владивосток – 37, Балакиреву Евгению Валериевичу до востребования.

Владимир Теплышев

Начало

(главы)

Опыт наркотиков

Давайте вспомним...

В конце 60-х Джонн Лилли и Кен Кизи. Два лидера, возглавившие *(на мой взгляд – з.а.)* поиск "высшего смысла божьего". Их поиск шел не через традицию: философию и опыт религий, а посредством использования наркотиков.

Тогда была открыта кислота (LSD) и производные. И все эти вещества ещё не считались наркотиками; в те годы и на них не было запрета.

Почему же встают не пост и молитва встают как средство, а нарк? Может, это дух времени, т.н. дух 20 века. Ведь наш век – это век экспериментов и постоянного поиска "нового" как средства прогресса. И потом это очень типично для Америки – авангард, новаторство.

Так вот Джонна Лилли и Кена Кизи объединяло одно – это вещество LSD, но пути эксперимента были разные, разные культуры потребления LSD.

У обоих рассуждения были похожие:

1) Все люди в этом мире имеют одинаковое, болезненное мышление. Они, условно говоря, как бы зомбированы или загнипнотизированы (т.н. стандартное мышление). Истину почти никто не видит, т.е. никто не знает "пути туда вверх". Что этот путь находится всегда где-то рядом, под покровом или в скрытой форме. И весь духовный опыт человечества – это не правда или в лучшем случае опыт, которые неприемлем в наше время. (Отицание религиозного опыта).

2) Покров как печать или печати снимаются с мозгов посредством наркотиков. И тогда происходит ясность понимания пути и видение Бога. И все, живущие сейчас, живут только в системе "горизонт" (материализм). Через нарк получают утраченную духовную вертикаль, т.е. восстанавливают связь с Богом. Была обозначена проблема века (бездуховность) и найдено вот такое своеобразное решение (нарк).

Это их объединяло, но у каждого была своя культура или свой метод приёма вещества.

Д.Лилли, доктор и учёный, эстет и интеллектуал. Исследователь одиночества и по характеру одиночка. Он пошел путем "статики". Учёба и жизнь на вилле, с группой своих учеников. Тишина, покой бесед, прием "кислоты" и медитация. К какой цели он пришел в своих опытах – неизвестно. Кроме одного – что у них под воздействием "кислоты" было общее групповое видение Иисуса Христа. В этом видении им было строго заявлено, что путь "нарка" – это ложный путь, ведущий к гибели и в этом, и в том мирах. Д.Лилли умер в 1996 году – 1 июня, в день традиционной встречи российских хиппи в Царицыно (Москва).

Кен Кизи был человеком улицы, лидером битников и банальным заводилой. Он избрал "динамический путь". Поначалу – жизнь на ранчо, шум, музыка, сплошные приколы... Затем знаменитое путешествие в автобусе по Америке. Система его была очень проста. Все они принимали "кислоту"; ты мог быть в автобусе, т.е. "иметь свой прикол" или ты был вне автобуса – ты чужой.

Разъезжая по Америке они давали концерты под названием "кислотный тест", веселили публику и проповедовали новый вид религии, т.н. "путь LSD". И вот

последний концерт, последний "кислотный тест". Кен Кизи вышел к публике, все, затаив дыхание, ждали "прикола от гуру".

Но он, выйдя, сказал неожиданное. "Нарк" дает возможность войти, но идти мы не можем. Мы танцуем на месте. Мы входим и выходим и больше ничего... И поэтому мы отказываемся от применения "вещества".

Почти все не поняли его и разочарованно разбрелись, покинув зал встречи и Кена навсегда. Вокруг Кена осталось около 20 близких, они взялись за руки – кольцом – и стали медитировать. И произошло чудо – на них снизошла благодать – мир, покой, любовь. И это было величайшим откровением.

В том и в другом случае вывод был один – нарк ложный путь! К сожалению, это осталось непонятым. Это открытие в конце 60-х было предупреждением и назиданием для всего человечества.

Но, как всегда, людям были нужны зрелища и кайф. Впоследствии окружение Кена Кизи, т.с., поклонники, отвернулось от него, обвинив в предательстве. Он стал неинтересен им. Сказанное им в "последнем" кислотном тесте, без "кислоты", было непонятно, но опыт и техника проведения шоу-концертов получила дальнейшее развитие в шоу-бизнесе.

Вывод:

- 1) Диагноз был правильный. Мир лежит во зле! И главное зло – материализм, который стал самоцелью и доминантой в жизни людей, заняв тем самым место Бога.
- 2) Человечество в своей массе зомбировано и оторвано от "неба".
- 3) Всё пропитано ложью.
- 4) Нарк дает некоторое видение истины, но это – не прорыв и не освобождение.
- 5) Вся коммерческая культура выполняет роль "нарка" – через моду – по зомбированию "толпы" потребителей.

К сожалению, мы всё это узнали только в 90-е годы. Но наш опыт привел примерно к тем же выводам.

Наркотики – это несвобода и погибель! И те, кому это открылось, не только отошли от наркотиков, но отказались от употребления чая, кофе, мяса, спиртных напитков и придерживались христианской морали. А в массах произошла профанация. Классический хиппизм был понят как неотъемлемая часть музыки. А музыка будто бы может быть понимаема только под действием нарка.

Получился порочный круг – ловушка. И всё это произошло разными путями синхронно в Америке и в России одновременно... И вот почему хиппи огульно всех воспринимали за падших и подонков общества. Хотя мирские (хорошие) всегда втихую делали и делают то же самое, от чего мы отказались еще в 70-е годы.

История человечества всегда была такова. Надо найти врага – того, кто виноват. Евреи, цыгане, коммунисты, нацисты, хиппи, непогода и т.д.

P.S. А причина только в тебе. Не толпа, а как ты сам? Подробнее смотри: Том Вульф, Электропрохладительный кислотный тест.

Берёзка

Принято считать, что в СССР единственными, кто говорил правду, были диссиденты, т.е. инакомыслящие. Они были не единственными. Мы, хиппи, тоже говорили правду – не только словом, но и жизнью. За это признавались за сумасшедших.

В 70-е годы по борьбе с хиппизмом (как идеологической диверсией Запада) был организован специальный отряд. Этот отряд имел красивое название "Берёзка" и был укомплектован из лучших студентов МГУ с философского факультета. Руководил ими полковник КГБ.

В инструкции по "борьбе" существовал пункт, строго предписывавший не вступать ни под каким видом в диалог с лицами, имеющими облик, близкий к так называемым "хиппи".

После того как, в очередной раз "свинтив", нас допрашивали, происходила процедура фотографирования. выставляли ряд пустых бутылок и на их фоне фотографировали. Или, еще хуже, подбрасывали траву.

Нас считали за наркоманов, чокнутых, алкоголиков. Была организована мощная компания по дискредитации, они нас пытались изображать как угодно, но только не как хиппи-миротворцев, т.е. творящих мир и жизнь.

Ибо в СССР, исходя из идеологии, хиппи быть не могло, и всякий, называющий себя хиппи, стало быть, оказывался сумасшедшим. Эта пропаганда была настолько лживо-грязная, что простые советские люди не образом волка или дяди милиционера пугали детей, а образом хиппи. Не слушаются детки, не кушают кашку, и вот "сейчас грязный и волосатый хиппи придёт и тебя заберёт, и кашку твою сожрёт". Вот такую славу и известность мы имели обществе.

Реакция в обществе была простая и злая – "лечить или уничтожать"! А мы продолжали идти своим путём... И уж конечно наш интеллект был намного выше здорового – нормального, советского. (См. приложение: *Неполный, но основной перечень наших книг-ценностей*).

Почти все эти эти книги были большой редкостью и под запретом. В основном это были машинописные книги, т.н. самиздат. Кое-что из книг приходило с Запада, а некоторые книги нам тайно приносили студенты из "Берёзки". Книги были с грифом "секретно". Так вот почему была инструкция – запрета.

Вот чего они боялись! И происходило нормальное чудо. Так называемые "бойцы идеологического фронта" не только симпатизировали нам, но и переходили на нашу сторону. Мы для них были настоящими людьми, по сравнению с обществом "нормальных" материалистов, конформистов и приспособленцев. Но симпатии их были тайные. Потому что им также надо было делать карьеру!

На этот счёт существует байка следующего содержания.

"Идут как-то весной хиппи по "стриту" на "психодром". Клеши шур-шур-шур, фенички и колокольчики динь-динь-динь. Через плечо сумки, кто-то играет на флейте, длинные хайры развеваются на ветру. Греет солнышко... И вдруг сзади два мента по следу. Пипл ускорил шаг, менты не отстают. Вот опять свинтят, вызовут по матюгальнику упаковку... И опять дурдом, и всё лето пропадёт...

Народ побежал, а менты не отстают. Переулками, переулками, через забор, потом через сквозной парадняк, а те не отстают и даже нагоняют... Что делать? Всё, повязали! Подбегают менты и говорят, запыхавшись: "братья" и показывают два пальца. "Мы свои, хиппи". "Да какие вы хиппи, вы менты!" Тут они снимают свои фуражки, а

оттуда, распускаясь, выпадает длинный да роскошный хаер, аж по пояс. Вот так и встретились. Один из них был в чине капитана милиции, а другой лейтенант КГБ."

Так что два пальчика – это не рожки чертика и не ушки зайчика, а победа. Возможно, победа любви и жизни.

Несмотря ни на что, мы тем временем занимались самообразованием и совершенствовали своего "внутреннего человека". Шили прикиды, путешествовали, радовались и любили. Мир делал свою игру, а мы свою...

Наше самообразование подкреплялось еще и следующим образом. Мы имели теснейшие контакты почти со всеми неформальными группами. Так называемые чаепития-семинары у о.Д.Дудко, о.А.Меня у христиан-эйкуменов (лидер С.Рига). Встречи с кришнаитами, незарегистрированными баптистами, пятидесятниками, староверами, балтийские католики (о. Ст. Добровольские). Открытые лекции в МГУ у Е.Завадской по вопросам эстетики дзен. Дружба с художниками периода выставок в павильоне "Пчеловодства" на ВДНХ.

Так происходили ценные встречи, которые давали не только информацию и новые знакомства, но – главное – ориентацию.

Когда спрашивали нас – кто вы, к какой секте или к какому учению вы принадлежите, какому Богу поклоняетесь? (Вопрос совершенно нелепый, на мой взгляд, ибо для нас всегда было ясно, что вера и знание Бога есть не групповой, а личностно-интимный опыт). И поэтому мы говорили, что мы "хиппи" или "никто".

И никакой организации не было и нет, а есть другие, иные, вне клише и штампов. Или стриженные, без клешей, сумок и фенек.

Клички

Вот и руководству "Березки" или кому-то "повыше" было непонятно, что мы за организация.

Кто руководители? Какая у нас программа? Но ничего этого не было и в помине. Нас объединяло "ничто". А лидером у нас был каждый. У кого в данной ситуации был эмоциональный подъем, тот и лидер (т.н. харизма).

Вот, к примеру, Ю.Бураков (кл. Солнышко), ныне пребывающий в вечности знакомый автора. Его считали за лидера, решив, что, если "Солнышко" – то, значит, центр-лидер. Но так ли это?

А вот на самом деле как было. Юра, будучи в нетрезвом состоянии, перед друзьями у фонтана напротив Большого Театра решил изобразить святого. Найдя круглую коробку желтого цвета от торта, он её прикрепил к голове (к затылку). Встал, раскинув руки, на край фонтана и, не удержавшись, упал в воду. Друзья этот прикол поняли по другому. Что само солнце упало с неба в воду. Отсюда и "Солнышко".

Или еще другой случай. Группа пионеров-хиппи наитали в подвале на разрухе (в брошенном доме). И вот утром девочки вылезли первыми. Подают руку Сашку. Смотрят на него, а он чумазый. Они и говорят: "Ты прямо-таки как колобок, горелый, из печки". Вот так, был Сашок, а стал "Колобок".

Третий случай. Как сложилась моя кличка. "Дзен-Баптист", а точнее "Баптист-Дзен". Некоторые считают, что это название какой-то невероятной секты. Конечно, такой секты нет и в помине – баптистской-дзен. Это всего лишь обозначение моего духового маршрута. Начало баптистское христианство – все христианские <учения> Востока и Запада. Конечная остановка Дзен-буддизм, или Чань.

Но я не буддист! Это всего лишь путь познания, т.н. интеллектуальное путешествие. Для многих это невозможное сочетание. Но вспомни о своем, читающий.

Кто ты? Можешь ли ты сказать, кто ты и какой твой путь? Ответить на это невозможно. И поэтому моя кличка Дзен-Баптист. Это как Царь-Колокол в Кремле... А почему Царь, почему колокол – ведь не звонит и язык лежит на земле. Нет, он звонит, и еще как, и кто слышит его, бом-бом, тот меня поймет...

Александр Вяльцев
Человек на дороге
записки об автостопе

*You're never too old to Rock'n'Roll
if you're too young to die.
Ian Anderson*

Предисловие автора

Источников мало, руководств – нет. Область – едва ли не эзотерична и мало изучена.

Если верить Василию Бояринцеву (сочинение под названием «Мы – хиппи»), складывается впечатление, что хиппи в основном пьют и вообще сильно смахивают на простую шпану. Если почитать Баяна Ширянова (что «Высший», что «Низший пилотаж»), то складывается впечатление, что хиппи в основном торчат. Можно решить, что в этом – отличие Первой и Второй-Третьей Системы, причем *торчат*, конечно, ближе к «оригиналу» и «идеалу». Бояринцев настаивает на некоей большей *русскости* и национальной ориентированности Первой Системы, со всеми вытекающими национальными предпочтениями, в отличие от гнилой Второй. Ширянову все эти национальные самобытности пофигу, как и вообще всякий пафос. Он демонстрирует наркотскую жизнь наркотскими же средствами, точнее, наркотски подготовленным состоянием сознания. И добивается фантастической адекватности.

И Бояринцев, и Ширянов, тем не менее, при всех различиях, описывают одних и тех же людей и один и тот же момент – появления и бытования Системы 70-х – 80-х. Объяснять, что такое Система, как на самом деле она жила – долго и непродуктивно. Движение существует уже так давно, что его именем можно назвать какую-нибудь улицу. В свое время нас свело вместе наше полное отсутствие в существующем тогда обществе, наше окончательное и принципиальное *негражданство*. Плюс – любовь к определенной музыке, которая сама была катализатором и наркотиком. Нижеследующее – просто воспоминание еще об одной не менее, если не более важной «составляющей» существования хиппи – путешествиях и, главное, путешествиях *автостопом*.

Человек рождается дважды, второй раз на дороге, – говорил Торо. То, что люди всегда ездили на попутных машинах, – всем известно. Но лишь хиппи (в *этой* стране) превратили этот способ передвижения в некий символ, в краеугольный камень учения и существования. Путешествовать можно не только на маковые поля, тем более не только на аптечные помойки. Путешествие само – своеобразный кайф, чем подтверждает свою не столько омонимичность, сколько синонимичность с психоделическим значением этого слова, как бы автор ни был бездарен, доказывая сию идею.

Во всяком случае: еще один взгляд на «предмет». И в этом смысле, это еще и *сентиментальное путешествие*.

Часть 1. MEMORIA

памяти Поэта

“Не пора ли тебе в парикмахерскую”, – говорила мать уже в сотый раз за тот первый год моего институтского жития. Я попеременно злился и посмеивался над нелепой картиной, которую лелеяла мать в своей голове, решаясь сказать такую глупость. Что бы подумали мои лонгхаерастые приятели, если бы услышали этот граммофон домашней тирании, который я, как свободный человек, должен был давно сдать в утиль? У них-то дома, небось, не заикаются о волосах, уже умея прочувствовать пророческую миссию их обладателей. Почтительная немота – вот какой реакции я ждал от публики, взирающей на участников нового детского крестового похода, перед абсолютным бесстрашием и безгрешностью которых отпрянут сарацины мракобесия. Естественно, ничего этого не было, хотя крестовый поход бесспорно был.

Таким же макаром я отправился в свой первый (неофитский) стоп, неизвестно каким образом допущенный родителями, коим очевидно была сильная сторона моего пребывания в институте, куда я поступал такими трудами – будто специально, чтобы потом тем более легко и с шумом оттуда вылететь, – и этой постоянной перспективой держать родителей в ожидательном напряжении, вынужденных все делать, чтобы не дать лавине сорваться и самим не подложить порошу в юношеский негативизм. Пока им казалось, что еще можно с чем-то мириться и они руководят ситуацией, просто не представляя реальных масштабов нависшей над ними катастрофы. Потеря института и армия были еще не самым страшным, хотя дальше этих мрачных пределов они, естественно, ничего вообразить не могли. В конце концов, на сегодняшний день они считали институт надежно уравновешенным жерновом армии и, зная мой характер, полагали всех нас взаимосвязанными общим интересом. Могли ли они вообразить, что их сын, с детства не отличающийся коварством, изобретет от армии иное противоядие, помимо института, и, проشمывнув в пока неизвестную щель между одним и другим, – очутится на свободе? Что это за свобода, как и способ проникновения туда – они не могли себе представить.

А ларчик открывался просто: я отправился в свой первый стоп.

...

Волосы легли мне на сердце легко и естественно. Я полюбил длинные волосы с тех пор, как увидел смуглого Гойко Митича – благородного индейца моего детства, героя гэдээровских фильмов. А потом в прокате появились мушкетеры, тоже не лысые.

Поэтому ныне это было как возвращение к корням или осуществление мечты. Маломощный школьный рок-фанский хаерок дал обильные всходы.

Когда первого сентября я вошел в институтский дворик, то чуть не упал: вокруг вечно не работающего фонтана толпилось несколько десятков лонгхаерастых мэнов и затянутых в потертые джинсы хипповых герлов. “Америка!” – подумал я. Это был какой-то Вудсток в центре Москвы. А я-то думал, что опоздал на все ништяки, как всегда не тогда и не там родился, и одиночество в мире – мой удел. Несколько шагов – и жизнь сразу изменится! Не тут-то было: как хиппи я тогда себя не идентифицировал, лелея про себя роль одинокого философа, и невстреча растянулась бы на тысячу лет, если бы “америка” не сочла меня достойным и почти насильно не втащила бы в тусовку.

С этого момента мне надо было зарабатывать очки, то есть чем-то отличиться перед Системой. Самый надежный путь – безоглядно броситься в омут автостопа. И для будущего путешествия с Ритой на Кавказ мне тоже надо было увериться в собственной крутости, убить в себе раба быта и домашних пуфиков. Проверенный, говоря сильнее, паломнический путь вел в Прибалтику.

Я знал, как надо путешествовать автостопом: собиралась банда, человек десять, мэны с герлами, разбивались парам и растягивались на километр, потом все смитинговывались в условленном месте, тусовались и ехали вновь. Это было удобно и весело.

Я очень хотел бы поехать так, особенно первый раз, но я не мог ждать, пока соберется достойная компания.

Бог знает сколько времени я брел вдоль Можайского шоссе с самодельной холщовой сумочкой на длинном ремешке с вышитым на ней пацификом, где лежал атлас, книга и свитер, вынеся из разговоров, что в стоп ездят именно так, совершенно налегке, прежде чем решился повернуться и поднять руку. Грузовики шли мимо меня, не останавливаясь. Тем более легковушки. Я облегченно вздыхал и шел дальше. И вдруг скрип тормозов – красный КАМАЗ сворачивает на обочину: я заловил первый в моей жизни грузовик. Достойная рыбина! Прощай, Москва и крепкие объятия проложенных навсегда маршрутов, которые никогда не увезут тебя дальше конечной

станции. Понесло ж меня от московского лета, кинофестиваля и друзей – в неизвестность, где я буду совершенно один, без крыши над головой, почти без денег, располагая всеми возможностями проверить свою карму и благосклонность судьбы. На раздумья времени уже не было.

Мое первое автостопное сиденье было не без прикола: у него отсутствовала спинка. Надо было сидеть прямо, все время напрягая спину, чтобы не улететь назад при каждом толчке.

Я и вообразить не мог, как тягостно и долго тянутся километры. После путешествий с родителями в комфортабельной легковой машине, грузовик казался телегой. И надо что-то думать про себя, говорить с водителем. У меня еще не было своих приключений, и я больше пересказывал то, что говорили мне друзья: почему автостопом и сколько нас по всему Союзу... Радостный и легкий шок сменился тупым утомлением. Пейзаж тянулся, почти не меняясь, сидеть в душной машине, подпрыгивая, как петух, на своей жердочке – это какая-то китайская пытка, спина немеет и реально болит.

Вообще, считается, что чем дольше едешь на одной машине, тем лучше, но я так умаялся, что серьезно хотел просить водителя остановиться и отпустить меня на волю. Откладывал с минуты на минуту и так дотащился до Смоленска. Вот тебе и крещение!

Да, ехал я на моем первом КАМАЗе долго. И все же до Смоленска добрался лишь к вечеру. Я прошел весь Смоленск, родину знаменитого Паши Смоленского, которого я ни разу в жизни не видел, но о котором неоднократно слышал и созерцал на фото в огромных “пилл-буках” моих новых друзей, увековечивших беззаконную жизнь поколения. (Волосатые любили фотографироваться, словно чувствовали, как это все непрочно, и спешили запечатлеть мгновение своей счастливой волосатости.)

Вероятно, Паша был единственным на весь город хиппарем: судя по напряженному вниманию ко мне стриженных аборигенов. Больше я ни одного не встретил. Да и не удивительно: настоящий хип не должен засиживаться на одном месте, перманентно колеся по совку – от стенки до стенки.

Город, начинавшийся не как все города, а как-то даже с крепостной стены, старинный, разностильный, с циклопическим зеленым собором, внушал почтение. На стене собора были упомянуты польские злодеяния седой старины. Я старательно разминал спину, оттягивая момент выхода на трассу, и так дооттягивался до темноты. Трасса опустела, и никто больше не брал. Я сошел с шоссе и долго бродил в темноте по улочкам и дворам какого-то смоленского пригорода, густо заросшего зеленью, и в конце концов прилегло у чем-то понравившейся мне пятиэтажки на скамейку. Естественно, не спалось. Было и стремно, и холодно. Никогда в своей сравнительно благополучной жизни я не спал, как бродяга – на улице. Если меня и грело что-нибудь, то лишь страх осрамиться. Да и деваться было некуда.

Я поднялся с первыми лучами, проспав от силы пять минут. В ногах была рыхлость, в голове туман и резкость восприятия одновременно. Нервы взвинчены, в душе отчаянная целеустремленность.

Второй день пути дался легче. Я часто менял машины и не успевал застояться и закинуть. Я стопил и трясся на бесплатном сиденье как заправский хайкер, все более деревенея задницей и тем самым успокаиваясь. Хайк был несложным и довольно увлекательным делом. Все время новые люди, свежие впечатления, смена картин. Попадаешь то на развилку, то на глухую обочину, то в большой город с циклопическим монументом на въезде. Подсознательно я запоминал виденное, чтобы потом рассказать.

Моя вторая ночь тоже была на улице. Улицей на этот раз была стоянка дальнобойщиков. Они поели, потрепались, помыли ноги и завалились в свои машины

спать: на матрацы, под одеяла, задернув окна занавесочкой. Их комфорт показался мне недостижимым.

Я бродил один по пустеющей площадке. Глядел вокруг: для ночевки были на выбор – асфальт или лес. Ясно было: меня ждала еще одна холодная и бессонная ночь. Наконец-то я ощутил, как долго она тянется. В Москве, за чтением книг, ночь летела стрелой: ни почитать как следует, ни выспаться. Теперь я беспрерывно смотрел на часы и в темное небо – ожидая хоть малейшего просветления. Время словно застыло, а усталость и холод стали ужасны.

Не пожечь ли костер? Но лес был сыр, темен и холоден. Вместо костра я стал жечь сухой спирт. Это мало мне помогло. И все же смотреть на языки пламени было приятно, к тому же можно было чуть-чуть согреть руки. Но спирт странно быстро выгорал, а долгожданный рассвет где-то застрял: “Ты будешь солнца ждать – солнце не встанет...”

С отчаяния я стал вновь поднимать руку – и неожиданно застопил рафик, мчащийся в Минск. Счастью моему не было предела, однако в благодарность я стал бессовестно рубиться, то и дело ударяясь чайником в боковой стекло, моля Бога, чтобы не упасть на водителя.

...

Два года назад я уже побывал в Вильнюсе, на родительской машине. Теперь все выглядело несколько иначе. Без ночлега, с парой наколок, воспользоваться которыми у меня не хватало духу, передвигаясь по городу лишь на своих двоих. Но наш бог был милостив. Сперва у какого-то кафе, звавшегося, вроде, «Вайва» и служившего, как оказалось, местом сбора местной тусовки, я был радостно приветствован стриженным парнем.

– Откуда!?

– Из Москвы.

– Ты из Системы?

Первый раз мне этот вопрос задали в московском метро пару лет назад какие-то молоденькие клоушки. Узнав, что “нет” – они сразу потеряли ко мне интерес. Про Систему я уже слышал, но что она из себя представляет, не имел ни малейшего понятия. Странно было вообразить, что в стране, тщательной искореняющей любое инакомыслие, может ужиться какая-то организованная оппозиция, существовать зона, пусть даже воображаемой, независимости, как бы глубоко она ни была законспирирована.

Никто не знал, как войти в Систему. Система находила тебя сама, и ты оказывался в ней, не делая никаких дополнительных телодвижений. Ты вдруг уже был завербован – с готовностью служить ей до костра включительно. Взамен ты обретал язык, друзей, адреса по всему совку и взаимовыручку. Теперь я мог признаться, что, хоть с недавних пор, но я тоже из Системы, что я не самозванец, что я знаю тех-то и тех-то и приехал сюда, как положено, стопом.

Это было сродни паролю, прохождению испытания.

– Юргис, или Юра, – представился новый знакомый. У литовцев тогда еще не было национальной гордости малых народов, и Москва для них, как и для всех прочих, кто в ней не жил, была не только средоточием маразма, но и авторитетным духовным центром.

– Тебе есть где найтаться? – спросил меня Юра и предложил свой дом. Он был безволосым неопитом-литовцем, который считал, что можно служить

Системе и тайно, не выделяясь внешне из толпы. Для меня это казалось слишком хитро и беспринципно. И все же я был рад новому знакомому в чужом городе. Он мог хорошо поводить по местам, известным только местным. С ним были две местные девушки-хипповки, которые увязались за компанию.

– Пошли посмотрим Брамму, – предложил они.

Я решил, что они хотят показать мне какое-то чудом сохранившееся (или самодельно заведшееся) изображение индийского бога. Ничего супернеожиданного в этом не было: Литва славилась своим политеизмом и отчетливой склонностью к индийским культам, особенно Кришны.

Но Браммой оказалась вполне православная икона Богородицы, выставленная в галерейке-мостике над старинной улицей. Однако все здесь крестились по-католически, двумя пальцами и приседая. Девушки-хипповки сделали то же самое. Икона сверкала “окладом” из сотен серебряных сердечек, маленьких и больших, прикрепленных, пришипленных одно на другое, как чешуя, – нарощая многолетними стараниями верующих.

Некоторое время мы еще протусовались вместе. Чувствовалась иная ментальность. Наш опыт не был тождествен, поэтому интересно рассказать его другому было нелегко. Лишь несколько книг и то, что слушают в Москве, как это часто бывает, сделались темой разговора. Мы расстались, и я пошел гулять один.

Я шел, гордо размахивая хаером, как флагом, считая, что в Прибалтике отношение к волосам должно быть либеральнее, шокируя неврубчивых прохожих и сигнализируя друзьям.

И был вознагражден безошибочно узнаваемой фигурой с зачехленной гитарой за спиной. Это был настоящий хипшарь в компании несомненно хипповой клюшки. Не мог никого обмануть и тщательно спрятанный под куртку хаер, что 82-ом делали лишь олдовые волосатые, зашуганные, застреманные, уставшие эпатировать толпу и получать за это по заднице.

Сомневаюсь, поняли бы, например, американские хиппи, что значит “прятать хаер”. Смогут ли они представить ситуацию, когда хаера можно бояться или стыдиться, или действительно американские *хиппи* и наши *волосатые* – не одно и то же? Неспроста наши хиппи предпочитают самообозначаться именно последним образом. Или что это за условия, которые могут даже волосатого заставить скрывать, как он хорош и красив!

– Привет, – сказал я. – Чего такая конспирация?

– Говорят, здесь стремно.

– Ничего стремного, – сказал я по-олдовому веско. – Я полгорода прошел.

– Ты откуда? – спросила девушка.

– Из Москвы. А вы?

– Тоже.

– “Поэт”, – по всей форме представился мэн. – Эту кликуху мне дали в школе. А цивильно Андрей.

Его девушку звали Оля. Она училась в том же колледже, что и я, но на курс младше. Поэт тоже был на год младше меня, но хаер имел длиннее. Сам он нигде не учился и в основном играл на гитаре.

Узнав, что я тоже чуть-чуть играю, он предложил мне тут же что-нибудь сбавать на улице. Самое эффектное, что я умел, был этюд Гомеса.

Взяв у меня гитару, Поэт стал петь, в частности, почему-то “Был у Христа-младенца сад...”. Он был “Поэт”, он был музыкант, мне же пришлось признаться, что кроме крутого имиджа никаких регалий у меня еще не было.

Но они стремительно обрелись: не успев закончить концерт, мы были заловлены ментами.

Как потом выяснилось, в этот вечер полис просто невыполнил план по сбору клиентов. Поэт же был “поэтом”, то есть существом ранимым: ему страсть как не хотелось расставаться с хаером, а то, что в ментах стригут, мы оба уже хорошо знали.

Для меня это были не первые менты. Еще за год до этого я был заловлен на Самотеке во время облавы на пластиночную фарцу, полубратьев по духу. Самое смешное, что я просто шел из колледжа мимо толпы, и пластинок у меня не было. Так что меня замели исключительно за хаер. Зато и провел я в ментах целый день, бунтуя и добиваясь справедливости – то бишь возможности позвонить домой (моя мама – человек очень нервный). Фарцу, что попала со мной, уже отпустили. Даже того замороженного парня с большой сумкой, что все трясся за свой драгоценный конфискованный винил:

– Есть менты, – говорил он мне, – что вот так собирают хорошие коллекции... или, бывает, вернут диск, а перед этим проведут по нему гвоздем, у тебя на глазах, и смотрят, суки... (Я хорошо мог представить эту муку: гибель наиценнейшей в жизни вещи, даже если ты принес ее поменять на другую наиценнейшую вещь, к тому же реально приближающуюся по деньгам на комке к среднемесячной зарплате).

Менты некоторое время терпели, как я маячу по комнате, врываются в какие-то непредназначенные для меня двери, требую чего-то и топаю ногами, потом кинули в большую клетку, находящуюся в той же комнате, именуемую у них КПЗ, где на мои выкрутасы с изумлением взирало несколько бомжеподобных людей пиратской наружности, но смирного нрава, а потом отвели к начальнику отделения, который долго и хмуро со мной беседовал, а потом сказал, что, не будь он в форме, с удовольствием дал бы мне п...ы. Хорошо, что мой новый комковый приятель позвонил мне домой. Родители явились до того, как мне впаяли сутки.

Поэтому теперь я воспринимал происходящее как должное, нагло, хоть и за глаза, стебаясь над ментами, подбадривая своих новых друзей, постоянно напоминая и тем и другим, что задержать они нас могут не более, чем на три часа.

Ближе к ночи нас выпустили, так и не найдя ни в нашем поведении, ни в наших вещах достаточно надежной крамолы. Мы много чего обсудили в течение тех нескольких часов, что пробыли вместе. Кто знал, что это знакомство растянется на семнадцать лет...

Поэт и Оля поехали на вокзал, от стрема подальше (это было их “свадебное” путешествие), я – к Юре.

Юра жил с родителями в собственном двухэтажном особняке в черте города, непонятно как допущенном советской уравниловкой. У Юры была своя комната, полная постеров и музыки. О музыке мы с ним и говорили остаток ночи.

А утром я сорвался в Каунас, где вовсе никогда не был, но имел много чужих друзей.

Это маленький милый город с замечательно сохранившимися католическими соборами. Тогда мы были чище и правильней и не делили людей и камни по конфессиям: они были в вере, они свидетельствовали о Боге – этого было достаточно.

Подчиняясь все той же религиозной терпимости и щепетильности, даже новодел в Каунасе был сработан под старину.

В Каунасе у меня была бездна наколок, и на этот раз я смело пошел по флэтам. Римас жил в новом блочном районе, нище и весело. По ночам он с приятелями собирал бычки на улицах, днем мы тусовались по городу. Оббегать все храмы, музеи, побывать на всех просмотрах, премьерках, зайти во все книжные – это было обязательной программой для всякого вновь прибывшего. Ну и поговорить попутно на актуальнейшие темы, например, что арии вышли из Литвы. Римас доказывал это на примере языка. Совершенно добровольно он занялся лингвистическим анализом и нашел много общего у санскрита и литовского. Этот факт его очень грел.

У нас не было денег даже на кофе, но нас это мало волновало. Какой-нибудь чай, какая-нибудь булка в покоем на западное кафе – подходящий бензин для наших дешевых двигателей. Другим горючим были красные маковые поля. Здесь у Римаса я уже не в первый раз созерцал домашние химические эксперименты, как белое молочко нехитрым способом превращается в нечто абсолютно черное, что хладнокровно загоняли в многострадальную вену.

– Я уже в ногу колю, – объяснял мне один кид. – Так и страма меньше, если менты будут смотреть.

А смотреть было на что: трубы его были как решето: воспаленный млечный путь, ручьи розовой сыпи с ног до головы.

Наркоманы были людьми доброжелательными и щедрыми:

– Хочешь вмазаться?

– Нет, спасибо.

Пипла было немного: часть его давно отправилась на общесоюзный дербан в Среднюю Азию, часть – на Гаюю. Гаюя была и моей целью, и, не дожидаясь попутчика, я вновь рванул на трассу.

Латыши как и литовцы брали удивительно охотно, и, что самое странное, – частники. Впрочем, один дальнбойщик на мое “спасибо” посмел сказать, что “спасибом” сыт не будешь и нет ли у меня еще чего-нибудь? Чего-нибудь у меня как раз не было.

Я снова, как два года назад, прошелся по Риге, заглянул в какие-то костелы и книжные, вспомнил, как слушал с родителями орган в Домском соборе (все это казалось – так давно), вполне приличный мальчик, отдающий дань культуре, и – поехал на Гаюю.

Было не по-прибалтийски тепло, светило солнце, уже намыливаясь сесть в огороды. В примыкавшем к станции поселке я встретил нескольких волосатых. На Гаюю стремно, сказали они, винтилово, все разбежались.

Мы решили перенайтать в каком-нибудь укромном углу ближайшего садоводческого товарищества и завтра попытаться вернуться в лагерь. Мы легко нашли пустой гостеприимный сарай, будто специально для нас приготовленный, аккуратно вынули стекло и забрались внутрь. Ближе к ночи в наш сарай влез еще один волосатый. Это был Паша Смоленский собственной персоной.

Паша был вундеркинд трепа. Он мог часами тележить о жизни, веселя собравшихся бесчисленными приколами, щедро отпущенными ищущему:

– У меня на бывшей работе было собрание... И они там постановили, что я “выпал из действительности” прямиком во “внутреннюю эмиграцию”, – простодушно угорал он.

Был забавен его наивный *американизм*, его полная неотожждествляемость ни с чем по эту сторону Занавеса.

В неизменно веселом настроении, с готовой телегой на языке, невозмутимый и легкий – в нем было что-то от юродивого. Но нам было все равно. Презренная буква “х” в начале слова стала нами страстно любима.

Потом Паша взял гитару и запел. То же что-то юродивое, частушечное – в стиле рок.

Утром я на Гаюю не поехал, как ни звали меня волосатые. Я вдруг понял, что не успеваю вернуться к обещанному Рите сроку. Ретивое во мне взвырвало – и я рванул в Москву.

...

Волосатая идея давно бы обанкротилась, коренись она в чем-нибудь, кроме волос. Уж очень эффектно и независимо выглядит молодой волосатый мэн в потертых джинсах и разноцветном бисере летом у пивного ларька. Нашему театру нужны выразительные актеры. Он играет исключительную роль – человека, который выше суеверий.

Бытует суеверие, что длинные волосы – аксессуар исключительно женский. А у него волосы хоть до задницы. Бытует суеверие, что неприлично ходить в грязной и рваной одежде, а у него от количества заплат выигрывает достоинство джинс. Если бы было запрещено поносить Бога, он неизбежно запихал бы Его изображение в сортир, как это постигло местных политических идолов. Но так как в этой стране все по-другому, и о религии долгое время кроме как скрипя зубами говорить возбранялось, то пристрастие здешних волосатых к предметам культа стало наконец превышать нормальный несуетный интерес, что само по себе есть следствие отсутствия культа LSD.

Впрочем, может быть, это есть следствие национального интереса к нравственности и наш традиционный логоцентризм.

...

...Выезжая из Риги, я взял не то направление и устремился в Москву по старому шоссе, по которому уже почти не ходили машины. Я долго брел по пустому раскаленному асфальту, пока не нагнал двух герлиц. Эти тоже путешествовали стопом, первый раз, как и я. Мы пошли вместе. Наконец остановился грузовик. Я уступил места девушкам и остался на трассе один.

Через довольно значительное время повезло и мне: я вписался в зеленый УАЗ. Но вез меня он не долго. Остановившись на заправке, он почему-то заглох. Я немного подождал, глядя как водитель безуспешно возвращает машину к жизни, и, извинившись, сказал, что очень спешу и пойду попробую еще половить.

Водитель починился раньше, чем я добился какого-нибудь прогресса. Я все же малодушно поднял руку, ни капли не обидевшись, когда он проехал мимо, понимая, что по-своему предал его.

В довершение всего меня сняли с трассы менты. Посадили в машину, повезли куда-то в глубь страны в отделение. Я сразу решил, что самое умное – не нервничать. Я знал, чем это пахнет: спецприемником и хайранием. А мой новенький отросший хаер был мне очень дорог.

Менты велели засучить рукава и проверили веняки. Вывалили содержимое сумки. То, что у меня был паспорт с московской пропиской кое-что, конечно, значило, не так уж

и много. Гораздо важнее был мой студбилет – цивилизная привязка. Я мог доказать, что я не бродяга, а езжу стопом из экономии. Менты меня старательно пугали, одновременно стремясь сбить с рук – на дурачка, который бы мною занялся, например, отправил бы в спецприемник или наркодиспансер, но такой не сыскивался, и я оставался в томительной неизвестности. Здесь, в захолустном поселке, я вел себя тише, чем в Москве или Вильнюсе, не апеллируя к правам человека, не топя ногами, понимая, что нахожусь в полной ментовской власти. Запхают в этой глухомани куда-нибудь – и как камень в воду: никто обо мне больше не услышит. Когда я достаточно намозолил им глаза, ни на секунду не отступив от роли: покорность и невозмутимость, – один мент спросил другого:

– Ну, что с ним делать? В карцер посадить?

Второй мент молчал, читая газету. Я чувствовал себя вещью на невольничьем рынке. Этой реакции, скорее всего, они и добивались.

– Да бог с ним, – наконец подал голос товарищ. – Отпусти.

Я вышел на улицу, в неизвестном поселке, неизвестно где от трассы. Но очень быстро я поймал грузовик, что шел в сторону шоссе, и скоро опять шагал по горячему асфальту, медленно приближаясь к Москве.

Я действительно очень спешил. В Москве меня ждала Рита, которой я обещал стоп на Кавказ. Первый мой личный стоп с девушкой, из которого могли произойти важные последствия. И я должен был выдержать первое испытание: прийти на стрелку в срок.

К вечеру я добрался до какого-то переезда на границе Латвии и Белоруссии. Вокруг не было никакого жилья, кроме трех домов и будки стрелочника. Я постучался в пару домов и попросился переночевать. На меня посмотрели странно, словно я говорил на неизвестном языке, и отказали.

За переездом в поле стояло несколько накрытых навесом стожков. Выбирать не приходилось. Я закопался внутрь сена, оставив только нос, чтобы дышать.

Я лежал в стог сена, слушал комаров и перемогал сильную усталость, и не мог заснуть. Я был на таком взводе, что почти не чувствовал странности моего положения. Было невозможно вернуться в Москву – это скверно. Но, даже если бы я сдрейфил – это бы не перенесло меня ближе к цели. Первый облом после такого удачного стопа по Прибалтике, встречи с Пашей Смоленским и прочим волосатым пиплом, после практической, а не снисходительно-домашней инициации, когда я почувствовал себя на что-то способным! Я уже проехал какой-то путь на машинах, причем один. Я не только выглядел, как хиппи, я и жил, как хиппи. Я аж дважды попался ментам. Я, который прежде падал в обморок от вида деревенского нужника и от любого ветерка валился с ног в постель с температурой – ночевал в голом поле под звездами. И теперь я мог трепаться о своем опыте и о том, как лихо себя вел. Сломаться мне теперь было не с руки. Все только начиналось. И мне страшно везло, кроме этого досадного шоссе...

На следующий день я последовательно попал сперва в Новополоцк, современный химический промышленный монстр, а потом в Полоцк. Эти два города вызвали во мне приступы аллергии. Их хотелось забыть и никогда не приближаться к ним ближе линии горизонта. Все самое худшее, что бывает в современном городе, скопилось в них с какой-то монструозной полнотой, только в Полоцке в сталинском, а в Новополоцке в хрущевско-брежневском исполнении. Глухие бетонные коробки, бесцельно и щедро разбросанные по огромному пространству, словно живут в них стрижи, голый асфальт, пыльные чахлые вытопанные газончики, отсутствие всякой структуры, лица – и было лицом этих городов, лицом по-своему незабываемым.

Впрочем, Витебск, в который я скоро попал, видимо, сильно изменившийся с шагаловских времен, тоже ничем выдающимся не поразил. В отличие от Новополоцка

в нем был какой-то спасительный рельеф, накинутый на деревенскую захолустность с вкраплениями ничтожной современности: слепой безносый куб административных зданий – и заборы...

Вообще, Советская страна напоминала мне попытку засунуть огромный ящик в маленькую сумку. Ящик нещадно бьют, ломают, прыгают сверху ногами... Сумка тоже трещит – ее штопают проволокой и накладывают заплаты из ржавого железа.

...Заночевал я снова в Смоленске, на этот раз на вокзале, вырубившись после бессонных ночей, и меня кинули во сне на все деньги. Пропал тогда и студбилет. На следующий день, четырнадцатого августа, я был в Москве, сидел свежевымытый на кухне и трескал пироги с вареньем.

Родной город радовался не долго: утром я вновь его покинул, на этот раз на электричке.

Мое внезапное появление на пороге кучинского дома возымело должное удивление.

– Мы уже не ждали, что ты приедешь, – сказала мне Ирка, ритина, жившая здесь с нею, подруга.

– Да, – подтвердила Рига, – я много раз говорила Ирке: вот все мужики такие – наобещают с три короба, а потом динамят. Вообще-то, это было некрасиво с твоей стороны – уезжать.

– Почему? Я же вернулся в срок.

– Ну, во-первых, ты заставил нервничать, а во-вторых, если ты хотел ехать со мной, зачем тебе было так срочно срывать в Прибалтику?

– Мне хотелось попробовать себя. Узнать, что такое стоп.

– Ну и как?

– Клево!

...

В этом “романе” будет много несвоевременных отступлений (“размышлений”), в которых, по-видимому, уже я должен продемонстрировать себя как героя (потому что взвалить ответственность за них (отступления) на бумажные плечи героя мнимого у меня не хватит литературной наглости (или наивности). Пусть герой говорит от себя, а я – от себя, мы друг другу не мешаем). Поэтому все же возникает этот как бы нежелательный для меня диалог автора с читателем, в котором я попросту отказываюсь от литературной условности и буду говорить о вещах, как они есть. Я сам не люблю это смешение стилей: беллетристики и научной статьи, беллетристики и лекции, диспута, сведения счетов с кем-то невидимым, не имеющим отношения к повествованию, но тем не менее перетягивающим на себя все смысловые одеяла. Хочу оговориться: это произведение раннее, незрелое, экспериментальное. В нем автор не хочет скрывать, сколько ему лет, какое у него образование, и какое у него самого отношение к тому, что он описывает. В конце концов, начинающему автору надо обладать некоей спасительной близорукостью к своим недостаткам и, одновременно, к размерам той пропасти, которая отделяет его от места в президиуме, где сидят лауреаты госпремий. Иначе он никогда не решится писать (или обнародовать написанное). С другой стороны, гению от природы объяснять ничего не надо: он и без всякого поощрения схватит зубами тот кусок пирога, который ему предназначен.

...

Надо сделать одно признание: в свои почти двадцать лет я был все еще девственник. С этим реакционным пережитком надо было кончать.

Стопанутая нами под Москвой “Татра” имела всего одно сидение, поэтому Рита всю дорогу провела у меня на коленях, отчего мы не стали относиться друг к другу хуже, что уже было хорошим предзнаменованием. Ночевали мы в этой же машине, в дырке от любезно вынутаго шофером сиденья. Но мы были худы и неприветливы. Поджав ноги, обнявшись, кое-как мы провели ночь, целомудренно, как брат с сестрой. Зато и водитель довез нас до Краснодара, почти до самого моря.

И вот передо мной Черное море, когда-то столь любимое. В хмурый прохладный день мы вылезли из попутной машины, достигнув естественного предела всех дорог, достигнув моря, как Колумб Америки. Нас встретили мутные валы, набегающие на берег, влажный и прохладный воздух и персики по два рубля штука на лотках наглых кавказских людей. Все, что мы могли себе позволить, это маленькая дыня.

Ночью мы были уже в Геленджике, хорошо памятном мне по пионерскому лагерю десятилетней давности. Но город был мне незнаком: нас никогда не выпускали за ограду, и все наши тайные вылазки были в основном в сторону моря, так как в город идти было и стремно и бессмысленно: денег у нас не было.

В том детском Геленджике в нескольких улицах от нашего лагеря был крутой прибрежный обрыв и острая скала, напоминающая крымскую. Под этой скалой над темно-синими бездонными ямами мы беззаконно и весело купались.

О, это было нечто совсем другое, чем купаться в мелкой, грязной огороженной луже между двумя волноломами, куда нас водили поотрядно днем, пренебрегая окриками вожатых не нырять и немедленно идти на берег. Тогда я познал радость свободы и то, что настоящее в этой жизни существует, и завоевать его можно только через бунт.

Теперь мы с Ритой гордо шли по темному и незнакомому городу, имея право и игнорируя возможность купаться где хотим, занятые проблемой, где бы перенайтать.

Мы выбрали темный подъезд в почти московской пятиэтажке, постелили на кафель плед и улеглись. Но не успели заснуть, как через нас стали ходить люди. Они делали это тактично, высоко поднимая ноги, показывая определенную выучку, но нас это мало утешало.

Мы сделали самое простое: пошли на пляж. Поставили рядом два лежака, бросили рюкзак с дыней в ноги и, крепко обнявшись, безмятежно заснули, обвеваемые соленым ветром.

Раним утром, едва рассвело, я был разбужен ритиным криком: огромная белая чайка кусала ее за вылезший из под пледа беззащитный палец. В довершение мы не нашли ни рюкзака, ни дыни. Погода все еще была хмурая, но спать нам совсем расхотелось.

На трассе нам снова стало везти.

– Брат и сестра? – спросил первый же частник.

– Нет, – засмеялись мы.

– А очень похожи... – Это тоже было неплохим предзнаменованием.

В Сочи мы пошли к моей знакомой Марье Андреевне. Множество раз в течение тринадцати лет, с тех пор как я первый раз попал в этот славный городок, мы снимали у нее угол. Увидев меня, она переменялась в лице и заспешила уведомить, что дом переполнен. Если бы не предварительная договоренность и не большая взаимовыгодная дружба с моими родителями, похоже, она оставила бы нас на улице. Квартира и правда была перегружена жильцами, меня кинули в компанию к какому-то мужику из Питера, Риту – на балкон, в общество мамы и ее великовозрастной

дочки, чуть ли не из Мурманска. На этом балконе и состоялись наши первые и откровенные нежности.

Во время обеда дочка стала излагать новую лечебную теорию.

– Надо все время двигаться. Все здоровье в движении. Вот собаки бегают и никогда не болеют.

– Мы не собаки, – сказал я мудрость.

Теория движения была мне близка, но в философском, а не в оздоровительном аспекте. К тому же не из уст этой благополучной и пышущей здоровьем фифы. Фифа обиделась и замолчала.

Я водил Риту по любимому городу, на знакомый городской пляж, где мы в персональном загончике из английского Сэлинджера высокомерно спрятались от толпы, и в дендро- и Луно-парки, где мы крутились, как дети, в центрифуге, по Платановой аллее и, наконец, к ночному морю, где мы целовались и купались голяком.

Мы сидели на камнях, тесно обнявшись, будто греясь.

– Что же теперь мы будем делать? – спросил я, словно случилось такое, после чего требуются специальные объяснения.

– А ты как думаешь? – спросила в ответ Рита.

Это был наш брачный договор.

На следующее утро мы двинулись дальше по красивой прибрежной дороге – к грузинской границе.

Стоп на серпантине под южным солнцем, забитые машинами бензоколонки, где тормозились наши водители, и редкие несъедобные кафе – при других обстоятельствах это могло показаться геморроем. Но в моем распоряжении всегда было море, щедро наброшенное на весь горизонт, как шикарная драпировка на нищей стене, рябившее и манящее под незаходящим солнцем. Запах этого моря, горных сосен, акаций и случайных диких кипарисов, а еще Рита, мужественно бредущая рядом – кажется, я первый раз в жизни был счастлив. Над этими морскими обрывами были похерены все мои любовные трагедии, казавшиеся незабываемыми и страшными великанами.

Как бы медленно мы ни ехали, дожидаясь редких грузовиков или редкой любезности частников, как бы ни жгло солнце, ничто не смело омрачить пути. Я хорошо был приучен к жаре, мое хилое тело приветствовало ее, как старое проверенное лекарство. А картина одна лучше другой открывалась медленному пешеходному взору.

К вечеру мы были в Новом Афоне. На стене переговорного пункта нарисовали пацифик: пусть братья вспомнят своих, а враги скрипят зубами. “У поэта нет врагов”, – сказал Бальмонт. Мы тоже предпочитали обходиться без врагов, и, однако, для многих оказывались врагами, сами того не желая. Это было с очевидностью доказано в тот же вечер.

Знаменитые Новоафонские пещеры были уже закрыты. Мы прошли мимо монастыря, превращенного в санаторий, все выше в горы. Когда мы дошли до какой-то деревни, стало совсем темно. Тут нам попался местный парень, споро бегущий сверху по улице. Без околичностей он пригласил нас к себе. Назовем его Георгием.

Во дворе его дома вокруг уставленного яствами стола бурлил пир: к Георгию приехал его друг, недавно вернувшийся из Афганистана. Во главе стола сидели старики-родители, настоящие горские аксакалы, и немногочисленные соседи.

Нас тоже усадили за стол. К немалому для хозяев сожалению, мы почти ничего не ели, во всяком случае то, что у них называлось едой, то бишь мясо, и практически ничего не пили.

За столом афганец задавал тон. Он с упоением рассказывал про прелести и ужасы войны (прелести – это солдатская дружба и взаимовыручка, проверка себя в тяжелых условиях и растущее к себе уважение; ужасы – что твоих товарищей убивают). Я многое могу терпеть, но только не рассказы о “хорошей войне”. Парень между тем рассказал, как о приколе, как он лично поставил к стенке и расстрелял одиннадцать жителей захваченного ими кишлака, не разбирая, кто перед ним. Потом выяснилось, что среди расстрелянных оказался местный коммунист, единственный на весь кишлак, к тому же наш агент. За это его посадили на гауптвахту, но потом простили. Он говорил это совершенно спокойно, без капли сожаления: что ему там какой-то местный коммунист: чурка – он чурка и есть: прислуживает тем и другим. Собравшиеся хранили почтительную немоту.

– По-моему, этим нечего хвастаться, – сказал я довольно тихо.

– Чем хвастаться?

– Тем, что ты рассказал.

– А я не хвастаюсь! Я говорю, как было. Я ни секунды об этом не жалею.

– Очень плохо.

– Что плохо?

– По-моему, дурно убивать людей.

– Людей? Они убивали моих товарищей! – вскричал парень.

– На войне всегда убивают, – сказал понимающе кто-то из гостей.

– Может быть, не стоило идти в Афганистан? – спросила Рита.

– Не нам решать, партия сказала, – мрачно рекли аксакалы.

– Война – это, конечно, плохо, – сказала мать Георгия. – Но надо защищать родину.

– На нас никто не нападал, – уточнил я.

– Не нападал! Мы воевали, а ты здесь отсиживался. И еще рассказывать будешь! – огрызнулся афганец.

– Я говорю то, что думаю. Надеюсь, мне не запрещено иметь свое мнение?

– Мнение? Какое мнение?! Ты в армии-то служил? – грубо спросил он.

Я сказал, что не служил и не собираюсь.

– Почему? – это заинтересовало всех.

– Не хочу, чтобы из меня делали убийцу, не хочу никого убивать.

– Ах не хочешь! А когда тебя самого будут убивать! Что ты будешь делать?!

– Я предпочел бы умереть сам, чем убивать других.

Это были азы нашего учения. Война, кровавая свалка может показаться нормальной только бестолковым, бездарным людям, которые не могут унять тоску своей душной ординарной жизни. Их культура, их духовный уровень не позволяют разрешить конфликт другим способом. Единственная реакция на возникающую проблему – агрессия. Им не знаком путь борения, напряженной войны с самим собой, критическое покровительство очистительных идеалов. Война – это затянувшиеся каникулы (по Т. Манну), на которые люди отправляются с легким сердцем, потому что им “нечего терять”.

– Будешь, когда пошлют! – заверил меня афганец.

– Не пошлют.

– Заставят!

– Не заставят!

– А мы зачем туда шли и гибли, как козлы?! Из-за таких же, как ты, и гибли! – патетически рек афганец.

– Я вас об этом не просил! – орал в ответ уже я, забыв о всяких приличиях.

– Таких, как ты, паразитов, убивать надо. Ты позоришь страну!

– Ты сам ее позоришь!

– Ах ты сука! – Парень уже выходил из-за стола, чтобы накрахмалить мне фейс.

– Можешь меня бить, я тебя не боюсь! – неустрашимо выкрикивал я, тоже уже стоя.

Его остановили хозяева, вновь усадили за стол. Но праздник был испорчен.

Нас отвели в отдельный домик, указали кровати, а напоследок попросили паспорта.

– Надо вызвать милицию, – бурлили в темном саду гортанные голоса. – Не выпускайте их. Пусть там разбираются, кто они такие!

Кажется, нас серьезно принимали за шпионов.

– Поздно уже, – отвечал старик, хозяин дома. – Утром съезжу на мотоцикле.

Нас оставили одних, предупредив, чтобы лучше мы не пробовали сбежать. Аллюзии на Пушкина или Толстого нам в голову не приходили: нам было не до того. В окружающей наши постели темноте я вдруг почувствовал, что роль мужественного и пламенного пацифиста стерла последние разделяющие нас сантиметры. Это была первая ночь, которую мы, вполне в традиции “Make love, not war”, провели в одной постели. Сотни раз я переживал это во сне или мечтах – первый раз это было реально: вдруг я очутился между женских ног. Женщина раскрылась передо мной, словно раковина, обнажив незащитную сердцевину. И так же незащитно и абсолютно покорно я вошел в нее, как всходят на эшафот, и умер, и смерть была как спасение от неминуемой гибели, как достижение последних пределов бытия. Я понял, что умирающие после любви пауки или лососи не так уж не правы – ибо что же лучше этого может ожидать нас в жизни?

Чуть рассвело, нас разбудила женщина, мать Георгия, вернула паспорта и предложила убраться по добру по здорову, пока не вернулся с милицией старик.

Мы шли вниз, обнявшись, идти было легко, но мои мысли были далеко. Мысли Риты тоже витали не здесь.

Первое, что я услышал после проведенной с нею ночи, было:

- Ненавижу школьную форму!

- С какой стати это тебя волнует?

- Просто ненавижу, как факт. Почему нас заставляли ее носить?

- Ну, я думаю, для ясности. А то идет хлопец по улице, и не понятно – прогульщик он или нет, и нельзя отодрать за уши.

Рита думает о чем-то своем.

- В природе есть защитная окраска, а у нас наоборот – беззащитная... – говорит она.

Я думал о том, что *хиппи* намеренно ставят себя на острие событий, чтобы защититься от обывательщины жизни. Будь их вид “приемлем”, борцы с мировой ложью оказались бы в достаточно гнилой атмосфере терпимости, где суть и настроение общества были бы затемнены. Но они последовательно обрывают связи, и это дает агентам исключительное, напряженное и давно желанное бытие, где хоть в принципиальном нет фальши – у прошедших через горнило каждодневных столкновений и проверок на вшивость. Невзначай мы становились героями, и за это нас любили женщины.

Скоро мы были на трассе.

Город Сухуми обрадовал меня: двухэтажные старинные дома “колониального” стиля, узкие улицы, сколько ни едешь, не видишь башен и площадей с торчащим бронзовым “непьющим”. Так и ждешь, что сейчас из-за угла появится запряженная пролетка... Не знаю, что осталось от него после последней войны: говорят, его здорово размолотили.

Заловленный под Сухуми частник предложил нам ехать в Тбилиси. В Тбилиси хотелось, хоть там нас никто не ждал. Мы отказались, сославшись на нехватку времени.

На развилке около Теклати Рита наконец возмутилась и сказала, что хочет есть. Мы пошли посмотреть виноград на маленьком импровизированном рынке. Рядом остановился автобус:

- Девушки, садитэс к нам! – закричали веселые грузины из окон и дверей. Мы не стали спорить и послушно сели. Это были торговцы овощами и фруктами, возвращающиеся домой. Простые бесхитростные люди, они еще долго заблуждались насчет моего пола (в то время на моем лице было мало растительности). Пришлось их разочаровать. Несчастные грузины не хотели верить в такую неудачу: и не две девушки, а одна, да и та занята.

Дальше мы тряслись среди ящиков с овощами под их гортанные речи, отвечая на редкие вопросы. В конце концов о нас просто забыли, что было нам на руку: никогда не знаешь, что ожидать от детей гор. Ближе к Батуми интерес к нам воскрес опять:

- Поехали ко мне в Кобулету! – зазывал один грузин. – У меня свой дом. Таким виноградом угощу – никогда не ели! А какой шашлык будет – аа! – в Москве такой не найдете!

- Да что твой дом, дыра! Пусть едет ко мне. У меня будет жить, как цари. Без денег. Рядом море!..

- Ва, что говоришь, Вану! Мой дом – дыра! Мой дом лучше твоего!.. Казалось, мы на аукционе, где нас и покупали, где мы же и присуждали победу.

Но от всех этих соблазнительных предложений мы отказались. Наша цель была Батуми, последний город на берегу перед иностранной границей.

Не без труда мы нашли в Батуми проспект Сталина, вероятно, последний проспект этого тирана на территории совка. Здесь нас ждал Муртаз, старый приятель моих родителей. Нас радушно приняли, как это могут делать лишь грузины, накормили, дали вина и отпустили гулять. Никому не было дела, во всяком случае по виду, до моих волос. Я был старый знакомый, сын друзей – и этим все было сказано. Грузинским гостеприимством мы были обеспечены.

День был удушливо жарким.

– Жарко не холодно, – утешал я Риту, пока мы брели через Парк пионеров к морю. – Когда холодно, можно одеться.

– А когда жарко, можно искупаться.

Городской пляж зрелище малоприятное, не сильно соответствующее моей теперешней гордыне. Дикие горы и камни, среди которых мы купались по дороге, были куда как сподручнее. Там мы никого не раздражали своим видом. И нас никто не раздражал. Впрочем, количество людей на батумском пляже было умеренно-малым против сочинского. Однако и из такого прилюдного моря вылезать было тяжело.

– Aqualang my friend, – пропел я, выходя из воды, с тоской глядя в сторону турецкой границы.

А Рита из без акваланга упливила так далеко, что я уже не мог разглядеть ее с берега.

– Девушка, отплывите от винта, это опасно, отплывите от винта! – услышал я крик в мегафон с борта далекого корабля.

– Если бы я знала, где этот чертов винт, чтобы от него отплыть! – жаловалась Рита уже на берегу. – Я стала метаться, они орут на меня... Вообще, я хорошо плаваю, в детстве запросто Оку переплывала... А тут со мной началась паника, да и откуда я пришлыла, не могу понять.

Блажь купания скоро улетучилась. От жары Рита совсем расклеилась. Она сомкнула пряди волос на лице, словно закрыла штормками – от солнца, и так шла до дома, опираясь на верную руку собаки-поводыря. В подъезде я от избытка чувств донес ее на руках до пятого этажа.

Дома нас снова ждала еда, вино, взрослые муртазовы дети и соседи, специально прибывшие посмотреть на нас. Вечером нас оставили в покое, велели отдыхать. Мы с удобством сели на диван и стали вдвоем читать только что изданную книгу Нахова “Философия киников”: “Лучше с горсткой честных людей сражаться против всех дурных, чем со всеми дурными против горстки честных”... Не знаю, как в этой замшелой стране могла быть напечатана такая крамольная мысль! Ее можно было сравнить разве что с откровениями из “Уолдена” Торо.

Следующий день был теплым, но хмурым, солнце не проглядывало сквозь тучи.

С утра Рита сказала, что ей нужна аптека.

Батуми симпатичный городок. Здесь есть совершенно восточные районы и помпезный сталинский совок. Самой новой архитектуры нет – и это его сильно украшает. Изучить его можно за один день, но найти в нем что-нибудь довольно трудно. А в аптеках, естественно, трудно найти то, что нужно.

Поэтому мы просто бродили по городу, довольно скромно обставленному курортной эстетикой. Поиски аптек вносили в наши перемещения дополнительную хаотичность

и непредсказуемость. По пути к новой аптеке нас затормозили менты. То есть это мы подошли к ним – с вопросом все о той же аптеке.

Давненько я не испытывал такого хамства и бессилия. В отделении, гнусном темном полуподвале, куда они предложили нам пройти, менты откровенно издевались надо мной, обещали бросить на пятнадцать суток за бродяжничество, попрошайничество и нарушение паспортного режима, и грозно щелкали ножницами. Рита спросила: видели ли они, что мы попрошайничаем? «Ну, значит, воруете», – нашелся мент. Другой молодой мент без обиняков сказал, что *трахнул* бы меня, только форма мешает.

– Как вы смеете так разговаривать с нами! – возмутилась Рита.

– Не кричи, тут тебе не Москва!

Промурывжив два часа, они все же разрешили мне позвонить Муртазу. Он немедленно примчался с нашими паспортами. Он был в сильной тревоге. Минут десять грузины орали друг на друга на местном наречии – и мы были на свободе.

– Я не знал, что такое может быть, никогда такого не было! – переживал Муртаз всю дорогу. – Мы кушать сделали, ждем вас, ждем, думаем, что с вами случилось! Город такой, куча проходимцев, все может быть!

– Не волнуйтесь, мы к этому привыкли, – отшучиваюсь я.

– Нет, это безобразие! Ни за что хватают людей! Подумаешь, длинные волосы!.. Что ж, человеку и ходить нельзя!

Дома нас ждало повторение рассказа и новое всеобщее сокрушение.

Следующий день был снова жарок и первый наш путь опять лежал к морю.

Но Рита отказалась купаться.

– Почему? – спросил я.

Так я впервые услышал о специфической женской конструкции. Я скептически пожал плечами.

– Неужели ты ничего об этом не знал? – Рита изумилась моей наивности не меньше меня.

– Ничего.

– Ну, ты же книжки читаешь. Ведь об этом тысячу раз написано!

– Да где?!

– Ну, ты помнишь в “Иосифе и его братьях”?

– Я не читал.

– Ну, это и в Библии есть. Как Рахиль похитила богов...

Вместо моря мы стали ходить по прибрежному парку, от нечего делать пошли на концерт на открытой эстраде: какие-то лабухи исполняли песни “Битлз”. Довольно сносно пели на английском, хорошо имитируя и тембр, и манеру дергать струны. Сами того не ожидая, мы словили кайф.

После концерта нас окружили местные парубки. Но драки не произошло. Им просто интересно было, откуда мы и почему такие? Пижонисто одетые, как и большинство грузин, они были страшно некомпетентны в области современных идей. Так и шли за нами до дома толпой. “Наша свита”, – ухмылялись мы.

Если мы и думали сматываться отсюда – то вовсе не в Москву. Но вдруг выяснилось, что ритина сестра, на которую был оставлен двухлетний ребенок, сама попала в роддом, а ритина мама отправляется на экскурсию в другой город. Поэтому мы срочно вписались в поезд до Москвы, причем ехали вдвоем в пустом купе в этом странном пустом поезде и всю дорогу целовались. В остальное время мы обсуждали наши планы на московскую жизнь. Меня ждала креза.

– Ты будешь ждать меня? – спросил я, когда поезд въезжал в жаркую, но слегка подзабытую и оттого не очень противную Москву, – словно уходил в армию, хотя уходил как раз от армии.

– Куда уж я теперь от тебя денусь...

Кончалось первое стошное лето, и тут выяснилось много важных вещей. Я своими руками создал для себя значительный кусок новой жизни, я ощутил готовность идти дальше, совершенно не оглядываясь на прошлое. Я уже чуял ноздрями запах свободы и ничего не боялся. И второе: я пережил серьезнейший опыт потери невинности и первый раз по-настоящему заглянул в страну, откуда так просто не уходят. От всего этого уже нельзя было отмахнуться. Я убил в себе мальчика, и за это преступление мне надо было отвечать.

Некоторые выбирают работу, некоторые выбирают карьеру, я придумал для себя странное дело, в котором нет учителей, для которого не написано руководств (если не считать руководством всю мировую литературу), где не полагается медалей и званий за беспорочную службу, а по прошествии известного срока не дают пенсии... Я обзавелся человеком, чтобы не нуждаться в человечестве, и обзавелся Идеей, взогнав свою беспочвенность и фанатизм еще на несколько градусов. Именно теперь, вдвоем с Ритой, я вдруг оказался *по ту сторону*, а весь мир со всей своей хренотой – по эту.

Полный текст книги выложен здесь: <http://www.ponia1.narod.ru/roadbook.htm>